

Маги начинают и выигрывают

СЕРГИЯ АРИНА ЕМИНА

Голодная бездна

ДЕТИ
КРЫЛАТОГО
ЗМЕЯ

Annotation

Тельма знала: она должна стать лучшей в своем деле, если хочет добиться справедливости и доказать, что ее мать, прекрасная Элиза, была убита. Мэйнфорд знал: рано или поздно он окажется в сумасшедшем доме, ведь проклятие семьи не отменить. И что за беда, если безумие поразит не только его, но и весь город? Кохэн, масеуалле-изгнанник, знал: старые боги не ушли, как бы ни хотели того новые хозяева мира. И дверь в Бездну, где они заперты, вот-вот откроется. Достаточно одной капли крови. Кто ее прольет? Не важно. Главное – каждый сделает, что должен, и тогда свершится то, чему быть суждено.

Карина Демина

Голодная бездна. Дети Крылатого Змея

Глава 1

Мэйнфорд разглядывал спину.

Узкую спину с выпирающим позвоночником, с резко очерченными треугольниками лопаток и родимым пятном на левой. Кожа на этой спине казалась не просто белой – полупрозрачной, тонкой, как бумага, в которую заворачивают подарки. Тронь – и порвешь.

Или след оставишь.

А тронуть хотелось.

Пересчитать позвонки. Или надавить на эти растреклятые лопатки, которые казались слишком уж острыми. И главное, никаких тебе угрызений совести. Нет, конечно, с этой дамой у Мэйнфорда личные счеты были, но все же...

...он помнил, как приехал.

И как поднимался по лестнице. В дверь стучал. И дверь эту вскрыл – невелика хитрость. И в квартиру заглянул, но после вновь на лестницу выбрался, потому что там ждать было веселей, а еще оставалось пространство для маневра.

Скажем, если бы Тельма вернулась не одна.

– Давно проснулся? – Тельма перевернулась на спину. Жаль. Мэйнфорд не успел разглядеть всю ее, да и со спиной общаться было как-то проще.

– Давно.

– Голова болит?

– Нет.

– Это хорошо, а то у меня ничего нет от головы.

От его головы аспирин не поможет.

– Неужели? – не стоило начинать этот разговор вообще, тем более здесь и сейчас. От нее, сонной, пахло углем и городом, и запах этот казался родным донельзя.

И сама она.

Некрасивая. Все еще некрасивая.

Плечи широкие, как у пловчихи. Груды почти нет. Живот впалый и снова с родинкой, на сей раз темной и крохотной, такую мизинцем накроешь.

– Ты о чем?

По этому животу легко следить за дыханием.

Вот оборвалось.

И сама Тельма напряглась, снова перекрутилась, пряча уязвимый живот, откатилась к самому краю. Смотрит исподлобья. Зло. Вот и кто Мэйнфорда за язык тянул-то... надо ответить что-то глупое, чтобы успокоилась невозможная женщина, но ему не хочется притворяться.

Не перед ней.

– У тебя ведь есть таблетки...

– Кохэн донес? – не столько вопрос, сколько утверждение. – И что за они?

Злитесь? Раздражена. Осторожна, но злости нет. И хорошо, злые женщины Мэйнфорда пугают.

– Показал... лекарство это.

– Успокоительное? – а теперь в голосе ее проскользнула насмешка.

– Отчасти. Заодно дар блокирует.

Хмурится. Почему она всегда хмурится? Если бы чаще улыбалась, выглядела бы привлекательной.

– И делает пациента внушаемым... Гаррет дал?

Она лишь головой мотнула. Согласие? Отрицание? Да какая, к Бездне, разница...

– Моему брату нужно, чтобы я подписал кое-какие бумаги, – Мэйнфорд сам не знал, зачем он это рассказывает. Может, затем, что она слушает?

– Какие?

– В основном, полагаю, завещание. Доверенность. Да и мало ли, что еще можно подписать... спасибо.

– За что?

– За то, что не стала кормить.

– Всегда пожалуйста, – она поднялась и стянула одеяло, закрутилась в него, прячась от взгляда. – Он на меня странно воздействовал. Не ментально, но... мне очень хотелось оказать ему услугу.

– Женщины его любят.

– Сомневаюсь, что это можно назвать любовью, – Тельма нервно дернула плечом и поинтересовалась: – Что делать будешь?

– Ничего.

– То есть?

– То есть совсем ничего, – Мэйнфорд тоже сел, сожалея, что она все же проснулась. Спящей и молчаливой Тельма нравилась ему куда больше. Опять же, разглядывать ее можно было, не притворяясь, что его вовсе не интересуют ее нагота.

– Он ведь собирался тебя отравить!

– Не отравить, а... скажем так, подкорректировать мое мировосприятие. Это пытаются сделать уже давно.

Ей ответ не понравился. Пожалуй, не нравился он и самому Мэйнфорду, но ввязываться в семейные разборки ему не хотелось.

Мэйнфорд вздохнул.

Ночью все было гораздо проще. Мужчина. Женщина... кровать... точнее, когда добрались до кровати, то и кровать...

– Я ему позвоню. Скажу, чтобы оставил тебя в покое. Это первое. Второе – перекрою кое-какие финансовые потоки. Он поймет, что переступил черту...

...поначалу, естественно, возмущаться станет. И выглядеть будет искренним. Постарается все свалить на Тельму же, которая по некоей своей надобности заменила безобидное успокоительное на экспериментальное лекарство. Затем признает вину, но не за собой, Гаррет никогда и ни в чем не был виноват. Естественно, скажет, что действовал исключительно из благих побуждений.

Матушка беспокоилась.

Мэйнфорд вел себя странно. Этот разговор возникал время от времени и заканчивался всегда одинаково: просьбой дать денег.

– Ну и дурак, – сказала Тельма и удалилась в ванную комнату.

– Наверное, – Мэйнфорд потянулся. – Еще какой...

Плюшевый медведь смотрел на него с упреком: мол, как можно быть таким глупым? И дед бы присоединился, правда, взглядом ограничиваться не стал бы, перетянул бы по плечам тросточкой своей, залитой свинцом.

Глядишь и вразумил бы.

– А что мне делать? Не заводить же против него дело! – Мэйнфорд подобрал штаны, которые нашлись в прихожей. – Нет, в теории я мог бы... но представь, какой выйдет скандал! Да и... доказать что-либо будет сложно...

Медведь молчал.

– ...если вообще возможно. От ментального сканирования он защищен. И повод не тот, чтобы ордер выдали... ее свидетельства? Да ее первую же сожрут и с дерьмом смешают... нет, это не выход. А вот деньги...

Язык денег Гаррет давно понимал лучше, чем родной.

Мэйнфорд почти оделся, когда она появилась из ванной.

– В Управление?

Он покачал головой:

– Домой загляну. Все равно переодеться надо... и, Тельма...

Она хмыкнула:

– Да поняла я... все, что было, – случайность. Ты напился... как там? Производственная травма обострилась.

Именно сейчас Мэйнфорд почувствовал себя виноватым.

– Извини...

– Да ладно, – она пригладила короткие волосы. – Было не так уж и плохо.

Наверное, это стоило считать комплиментом.

– Зарплату все равно не подниму.

Она фыркнула и на дверь указала.

– В следующий раз, если надумаешь явиться, захвати какой-нибудь еды...

Не будет следующего раза. А жаль. И в самом деле было не так уж и плохо.

Джессемин появилась именно тогда, когда Мэйнфорд шнуровал ботинки. Почему-то это простое дело сегодня давалось с немалым трудом. Навощенные шнурки выскользывали, путались, да и собственная рожа, в глянцевых мысах отраженная, бесила неимоверно.

Так что появление Джессемин можно было счесть удачей.

– Мучаешься? – поинтересовалась она с порога.

И вошла, дверь открыв собственным ключом. Кажется, он давал Джесс ключи в прошлый ее визит, чтобы не маялась с гостиницей и уж тем паче с родным домом, но после забрал.

Мэйнфорд точно помнил, что забрал.

– Не смотри так. Я сделала дубликаты, – сестрица широко улыбнулась. – Ты же не сердишься? Нельзя быть таким параноиком, Мэйни...

– А каким можно?

Он позволил себя обнять.

От Джесс пахло чернилами и еще книжной пылью, самую малость – терпкими духами, которые она покупала в старой лавке. Говорила, делают их по старым рецептам и исключительно на заказ. И значит, вторых таких духов во всем Новом Свете не сыщется.

– Ты не изменился, – прикосновение холодных губ.

И виноватая улыбка.

– Я думала, ты на работе... хотела сюрприз сделать.

– Уехать?

– Может, наоборот, остаться, раз уж случай выпал. Или все-таки дела?

Черный плащ. Серый дорожный костюм. Белая блуза, заколотая у горла камеей. Ботинки на невысоком каблуке. И сумочка в тон им, аккуратная, хотя и вместительная с виду.

Она умела выбирать вещи. И в этом наряде казалась старше своих лет. Серьезней.

– Твои дела подождут, – мягко произнесла Джесс. – Сколько мы не виделись? Лет пять, верно? И возможно, еще столько же не увидимся. Ты же не удостоишь семейный обед своим присутствием?

Она передала сумочку.

И перчатки.

Фетровую шляпку-ведерко, украшенную павлиньим перышком.

– Не удостою. Он опять пытался меня отравить.

– Кто?

– Гаррет. То ли сам, то ли по маменькиному почину...

С Джесс было проще, чем с остальными. Нет, не настолько, чтобы говорить о глубокой родственной любви, кровных узах и прочей дребедени, но она хотя бы не пыталась Мэйнфорда воспитывать. И не уговаривала пойти к целителям. И денег не просила. А стремление воссоединить семью – это так, мелкий недостаток, который Мэйнфорд готов был простить.

– Я сейчас позвоню...

Да разговор нужен прежде всего самому Мэйнфорду. И чем скорее он состоится, тем лучше.

– ...к слову, кофе приличный у тебя имеется? Хотя о чем это я... у тебя ж тут нора... будь добр, закажи завтрак на двоих. Или в ресторан сходим? Тысячу лет не была в ресторане...

Голос Джесс доносился с кухни.

– ...но если будешь заказывать, то будь добр, выбери место попримочней. Я не намерена портить желудок той пакостью, которую ты обычно потребляешь...

Говорила она басом.

И больше, выходит, не стеснялась этого низкого, совершенно неженственного голоса.

Мэйнфорд пристроил шляпку на журнальном столике. Все одно Джесс надолго не задержится. Что до замков, то Мэйнфорд давно собирался их сменить. Заодно уж будет повод подновить защитные контуры...

...и на той убогой квартирке стоило бы поработать. А то ж дверь и вправду с полпинка вынести можно, замок на ней и вовсе убогий. Не хватало, чтобы девочку кто-нибудь напугал.

Джесс повесила серый пиджак на спинку стула. Закатала рукава блузы, белоснежной, шелковой и явно недешевой – любовь к дорогим вещам она унаследовала от матушки, правда, любовь эта вполне поддавалась контролю. Во всяком случае, на нехватку денег Джесс никогда не жаловалась.

– Что ты собираешься делать?

– Прибраться, – она подняла тряпку с пола. – Мэйни, ты, конечно, слишком увлечен работой, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. Но нельзя же жить в таком свинарнике! Мусорное ведро где?

– Джесс!

– Я все понимаю, но мы не можем говорить в подобной обстановке! – она шлепнула тряпку на столешницу, покрытую узором разномастных пятен. – Я не могу. Поэтому, будь добр, наберись терпения и хотя бы...

...нет, все-таки Мэйнфорд несколько преувеличил свою любовь к сестре. Или не любовь, а как это... главное, сам виноват. Что стоило просто назначить встречу где-нибудь в городе.

Завтрак доставили спустя полчаса. К этому времени кухня если не сияла, то всяко выглядела прилично. Джесс порывалась заняться и комнатами, но ее порыв Мэйнфорд пресек.

Не хватало еще...

И замки он сменит сегодня же.

– Значит, девочка тебя заинтересовала? – Вот как у нее получалось? Возилась с посудой, с тряпками и метлой, а выглядит так, будто только-только из кабинета своего вышла. Рубашка по-прежнему бела. И лишь рукава слегка измяты, хотя под пиджаком это будет незаметно.

– Да, – коротко ответил Мэйнфорд.

– Настолько заинтересовала, что ты пытаешься быть вежливым, – она подняла стаканчик с кофе и принялась. – Я же просила заказать из приличного места... и не пыхти, я тебя не боюсь. Сядь. Ешь вот.

Мэйнфорд покорно сел. Раз уж он впустил сестрицу в свою нору, то теперь не остается ничего, кроме как терпеть.

– А девочка... да, девочка непростая. Пытался избавиться? Конечно. И не получилось.

Кофе из бумажного стаканчика Джесс перелила в кофейную чашку, не иначе как чудом затесавшуюся среди обычных кружек. Белый фарфор. Золотой ободок. Блюдечко с виньетками. И данью традиции – кусок сахара, который Джесс принципиально не употребляла, но все одно клала на блюдце.

На сей раз, правда, не щипцами, а пальцами.

Тонкими, белыми, ухоженными пальцами.

– Она всегда получала желаемое. Знаешь, к нам всякие дети попадают. В основном, конечно, сироты. Или вот из бедных семей, которые не могут позволить себе персонального наставника или же закрытую школу, – ногти у Джесс квадратные, покрыты прозрачным лаком.

На безымянном – белое пятно меткой.

– Тельма среди них выделялась. Ее забрали из Джан-Хилл. Слышал о таком? Нет? Иногда, Мэйни, нужно интересоваться чем-то помимо своей разлюбимой работы. Джан-Хилл – это такая дыра, о которой и говорить не хочется, там взрослые с ума сходят, а дети мрут как мухи. И давно бы прикрыть эту самую дыру, да только она одна на округ. Свозят... свозили туда всех. Бродяжек, которых поймать получалось. Отказников. Мусорных деток... когда-нибудь видел детей, которые на свалках растут? Нет? Они не люди в полном понимании слова. Так, человекообразные... им бы реабилитацию толковую. Воспитателей. Целителей, чтобы и тело восстановили, и душу...

Мэйнфорд мысленно вздохнул: на любимую тему сестрица могла говорить часами.

– Но это требует денег, а в бюджете, сам понимаешь, подобные траты не предусмотрены. Она замолчала, и холеные пальчики скользнули по золотому ободку чашки.

– Конечно, ты сейчас думаешь, что я бы вполне могла отправиться в Джан-Хилл... у меня есть свои источники финансирования, но беда, Мэйни, в том, что Джан-Хилл – это скорее правило, чем исключение. Большинство приютов – его копии, какие получше, какие похуже... перемены нужны радикальные.

– Это к Гаррету. Вот станет Канцлером...

– Если станет, – жестко обрезала Джесс. – Не надо кормить меня сказками. Мы оба знаем, что нашего брата люди интересуют исключительно перед выборами, и не сами по себе, а в качестве потенциального источника голосов.

Джесс всегда умела находить интересные определения.

– И да, он обещает заняться приютами, но все понимают, что дело это – бесперспективное совершенно. Никакой выгоды ни в ближайшем будущем, ни в отдаленном...

– Но ты...

– Я добилась, чтобы школу мою финансировали из бюджета. Но если бы ты знал, чего мне это стоило... – ноготь постучал по фарфору. Мерзейший звук получился. – К тому же моя школа в какой-то мере прибыльна. Скажи, вот смог ты бы нанять чтеца на вашу зарплату?

– Естественно, нет.

– Как и целителя, и техников... у вас ведь текучка дикая, верно? Отрабатывают положенное время и уходят. Но отрабатывают ведь. И получаете далеко не самых худших. Как и Советники... и пожарные... и многие иные. Да, практика существовала и раньше, но я...

– Тельма, – отрезал Мэйнфорд. Он, конечно, рад был, что Джесс нашла себе занятие по душе, но не настолько, чтобы тратить время впустую.

– Да уж... кому и когда были интересны мои дела, – Джесс кривовато усмехнулась. – И так... лет пять тому назад в Джан-Хилл случилась эпидемия. Черная лихорадка. Она же – чума Крута. Неизлечима. Заразна. Смертность – свыше восьмидесяти процентов.

Теперь она докладывала сухо.

Обиделась.

Надо будет намекнуть Гаррету, что неплохо бы сестрице медаль выписать. Или орден. Или грамотку какую за заслуги перед нацией. У них там этих грамот хватает.

Хотя... сейчас вряд ли выйдет.

Неудобный момент.

Или все-таки... Гаррет умел видеть собственную выгоду, а благообразие Джессемин было весьма выгодно для предвыборной компании.

– Туда направили целителя, но скорее затем, чтобы не дать чуме распространиться... – Джесс все же не умела дуться долго. И кофе пригубила, поморщилась: вот ведь привереда. – Особенность черной лихорадки в том, что иммунитет к ней зависит от силы дара... чем ярче, тем больше шансов выжить. Тельма выжила. А заодно дар пробудился.

Джесс замолчала, позволяя додумать самому.

Дар чтицы, пробудившийся в чумном бараке?

Это не проклятье, это много хуже... Вилли в морге едва не сходит с ума, а он взрослый мужик. Этой же девочке... что она видела?

То, что не видели другие.

И слышала.

И не могла заткнуть уши. У нее даже моря не было, которое заглушило бы голоса мертвецов.

– Само собой, выживших протестировали... четверых отправили в Хемфортскую военную школу. Тельму и двоих целителей – ко мне... и вот что странно. Люди, которым удалось пережить подобное, стараются держаться вместе. Но не в этом случае. Нет, парнишки срослись, как близнецы, а вот Тельма... Тельма даже тогда выделялась. Помню ее

прекрасно. Высокая для своего возраста. Худая. Бледная. Все они бледненькие приезжают... но эта бледность была не от недоедания. Врожденная ахромия... так целитель сказал.

Ахромия?

Врожденная? И это еще что за хренотень? Мэйнфорд повторил слово еще раз. Потом у Джонни спросит, когда тот протрезвеет настолько, чтобы на вопросы отвечать.

– Довольно редкое явление. Безобидное в целом, просто внешность получается специфической. Да и на солнце ей бывать не стоит.

В Нью-Арке солнце появлялось редко. Что ж, девочка выбрала удачное место для жизни.

– Она была замкнутой. Это в принципе нормально... приютские дети быстро учатся никому не доверять. И чтобы достучаться до них, нужны месяцы, а то и годы. До Тельмы не получилось. Нет, она освоилась довольно быстро. У нас четкие правила. Довольно жесткие, но это необходимо. Многие из новичков признают лишь силу. И процесс воспитания вначале мало отличается от дрессировки... за правильное поведение – награда. Кусок пирога. Яблоко. Конфета... некоторые из них никогда не пробовали ни конфет, ни яблок. За нарушения наказываем. – Джесс замолчала и попросила: – Налей воды... тебе бы приехать. Хоть кому-то из вас приехать и взглянуть на них... нет, всем нужны специалисты, и желательно лицензированные. А что приходится делать, чтобы из волчонка, который к тринадцати годам не умеет ни читать, ни писать, зато знает, как правильно ударить, чтоб взрослого человека с ног сбить, сделать специалиста... всем плевать... комиссии приезжают, восхищаются... мол, дети хорошо воспитаны, вежливы... да половина из них вилку с ложкой в приюте увидели.

– И Тельма?

Ее легко было представить дикой.

Или скорее одичавшей? Настороженной. Недоверчивой. Она такой и осталась. И да, достучаться не выйдет. Не сразу, во всяком случае. И надобно решить, стоит ли ломиться в запертую дверь? А если и вправду откроют, как быть потом?

– Нет... она этим и выделялась. Не пыталась содрать одежду. Не выбрасывала обувь. Не кусалась. Не выла по ночам...

– Что...

– Нет, не оборотни. Был один мальчик... потенциальный менталист первого уровня. Подчинил инстинктивно стаю волков, они его и грели, и кормили. Наши за этого мальчишку едва не передрались, надеялись, я его перевоспитаю, сделаю кого-то... вежливого и в костюме. А в итоге оказалось, что его разум был... недостаточно зрелым. Парень не только влиял на волков, но и сам перенял их образ мышления. И изменить это не вышло. Он сейчас в лечебнице находится.

Печальная история, но жалеть абстрактного парня у Мэйнфорда не получалось.

– Тельма же вела себя нормально. Более чем нормально. Она пользовалась не только ложкой или вилок, но и ножом, салфеткой. Умела говорить. То есть речь ее была очень правильной, а это значит, что с девочкой занимались. Более того, уровень ее образования... я не говорю, что он был выше большинства ее сверстников. Эти уровни сравнивать, что небо с землей. Нет. Она знала столько, сколько и положено в ее возрасте. А если учесть, что последние годы жизни Тельма провела в приютах, при которых не было ни библиотек, ни школ нормальных, то очевидно, что все эти знания были получены раньше.

А вот это и вправду любопытно.

Хотя... объяснимо.

Джесс погладила ноготь, тот самый, с белым пятнышком.

– И в то же время школьный распорядок был для нее непривычен. Со сверстниками она не то чтобы не ладила... скорее уж по возможности не замечала их. Я думаю, девочка находилась на домашнем обучении. В отличие от большинства подобных... обучений, – Джесс поморщилась, явно не одобряя такого подхода, – это не было профанацией. Да и учили ее не только математике с географией... она неплохо играла на гитаре. Умеет слагать стихи. Простенькие, но все же...

Тельма и гитара?

Стихи?

С другой стороны, не он ли сам четыре года кряду издевался над кларнетом? Или скорее уж кларнет над Мэйнфордом? Издержки классического образования в матушкином о нем представлении.

Уж лучше бы гитара. С гитарой он авось и поладил бы.

– А вот театр она на дух не выносила... я пыталась привлечь ее к работе. Нашим воспитанникам театр нравится. Тельма же... она не то чтобы отказывалась, нет, она выполняла все поручения, как бы неприятны они ни были. Но театр требует определенной внутренней свободы. Она же не позволяла себе быть свободной. И, Мэйни... пожалуй, она из тех, кого мне так и не удалось понять до конца. – И это обстоятельство донельзя печалило дорогую сестрицу. – Знаешь, – произнесла она, отодвинув чашку с остывшим кофе, – когда я узнала, что она выбрала, то... впервые, пожалуй, у меня возникло желание перебить этот контракт.

Что ж, Мэйнфорду остается лишь порадоваться, что Джессемин отказалась от этой безумной мысли.

Автобус высадил Тельму на углу Картвери и Бейкер-гарден.

Второй округ.

Приличный район. Отнюдь не тот, в котором обретался Найджел Найтли. Нет, на Бейкер-гарден селились те, у кого хватало денег на очаровательный коттедж и пару ярдов двора перед ним. На белый заборчик и почтовый ящик в виде птичьего домика.

Здесь обитатели были унылы в своем местечковом благополучии.

И это раздражало.

Тельма вытащила из сумочки блокнот. Пусть адрес она помнила наизусть, благо отследить судьбу Аманды Дорсем, в девичестве Лайм, оказалось не так и сложно.

...обучение в колледже и милая, хотя и обычная профессия медицинской сестры. Надо полагать, что выбор у Аманды был не столь уж велик. Наверняка с юных лет она ассистировала отцу.

Госпиталь Онории Милосердной. Отделение хирургии.

Замужество.

Переезд во Второй округ.

Рождение ребенка и возвращение к работе. Карьера, вершиной которой стал пост старшей медсестры хирургического отделения. Госпиталь, правда, сменился. Оно и верно, «Нью-Арк Мемориал» – заведение куда как более солидное. И сделать в нем карьеру не так-то просто, конечно, если твой супруг не является ведущим специалистом клиники.

Эта жизнь была спокойна и размеренна. И так отлична от собственного существования Тельмы, что вызывала нестерпимое желание внести в это спокойствие толику хаоса.

Нужный дом отыскался быстро.

Тельма лишь надеялась, что Аманда Дорсем будет на месте.

И ей повезло.

Дверь открыла сухошавая женщина в клетчатом домашнем платье, перетянутом белым пояском. Почему-то этот пояс, а еще кружевные манжеты и воротничок особенно умилили.

– Вы ко мне? – брови женщина выщипывала тонко, ниточкой, а после подрисовывала карандашом, отчего брови эти казались слишком уж яркими для невзрачного ее лица.

– Если вы Аманда Дорсем, – как можно любезней ответила Тельма.

Она пыталась понять, почему же сам вид Аманды, ее благополучие так раздражают.

– Третье полицейское управление, – Тельма продемонстрировала значок. – Где мы можем поговорить?

Нехорошо использовать служебное положение в личных целях, но ведь должна же и от него хоть какая-то польза быть! Аманда охнула, прикрыла рот ладошкой – узенькой и аккуратной – и посторонилась.

– Если на кухне... вы не против?

Тельме было все равно.

– Понимаете, моя дочь отдыхает... ее тревожат незнакомые люди... и если вдруг услышит голос, то... – Аманда оправдывалась шепотом и вела на кухню окольными путями.

Кухня в доме была огромной.

С окнами в пол. С раздвижной дверью, которая выходила на задний дворик. И даже

теперь, во время осенних дождей, этот треклятый дворик вызывающе зеленел.

– Вы присаживайтесь... что-то случилось? С Вильгельмом? Хотя... нет, конечно, нет, что может случиться с Вильгельмом? Мой супруг удивительно законопослушен.

Аманда подняла с пола плюшевого медведя, которого пристроила на краю столешницы.

– Я хотела бы поговорить о вашем отце.

И пальцы дрогнули.

Тонкие, паучьи, наверняка – чувствительные, ведь для медсестры важно иметь легкую руку, особенно той, которая в хирургии работает. И дар у нее имеется, но слишком слабый, чтобы в целительницы пойти.

– Об отце? – переспросила Аманда, изобразив неловкую улыбку. – Но он... он ведь...

– Умер десять лет тому назад, – Тельма не смотрела в глаза. Глаза умеют врать, а вот такие нервные руки скажут правду.

Уже говорят.

Она определенно что-то знает, и руки ее выдают. Пальцы вцепились в широкий браслет из красного полипласта. Дергают. Крутят. Царапают короткими ноготками.

– Д-да... он давно уже умер.

Еще одна неловкая улыбка.

– Лафайет Лайм, так его звали, верно? – Тельма, не дождавшись приглашения, присела. – Да вы присаживайтесь...

Чего она боится?

Ее отец и вправду давно мертв. Сама она... имя мелькнуло в деле, но и только. А ведь ей было шестнадцать. Взрослая девушка, почти женщина...

– Не понимаю.

Пальцы замерли.

А ладони вывернулись, уже не розовые – сероватые. У приютских Тельма уже видела такую кожу. От частого мытья она сохнет, идет мелкими трещинами, зудеть начинает.

Неприятно.

– Вы ведь были уже взрослой? Вы должны были помнить то дело... смерть Элизы Деррингер.

Руки серые, а сосуды – синие, вспухшие.

Но не жаль.

Вот несколько не жаль Аманду... несколько минут разговора – разве много? У нее ведь было столько времени, целых десять лет. Да и слова... что они изменят в ее жизни? Разве отнимут мужа? Дочь? И этот очаровательный домик с огромной кухней и парой-тройкой спален?

Здесь и гостевые комнаты, надо полагать, имеются.

– Я... я не интересовалась делами отца.

– Да? – Тельма не собиралась отпускать ее так легко. – А мне казалось, именно вы помогли ему вести прием...

Пальцем в небо.

Но удачно.

И руки замерли.

Плечи опустились под невыносимой тяжестью.

– Я... у нас не было другого выхода... отец ушел из госпиталя. Вынужден был. Его силы таяли. Он всю свою сознательную жизнь помогал людям, – теперь она говорила тихо и зло. –

Знаете, скольких он спас?

Тельма понятия не имела.

И не желала знать.

– Но когда мы оказались здесь, выяснилось, что никому мы не нужны. И его старые друзья... нет больше ни друзей, ни благодарных пациентов. Зато все наши сбережения ушли на новую лицензию. Старая, видите ли, не годилась.

Эта злость была беззубой, как старая собака.

– Он искал работу, но все приличные места оказались заняты. А в том госпитале, куда он все же устроился, приходилось вкалывать и днем, и ночью... но это ведь обязательное условие! Полтора года работы в госпитале и рекомендации, без них никто не даст разрешения на практику.

– Там он перегорел?

Тельма прислушалась к себе. В теории она могла бы посочувствовать не очень молодому человеку, который оказался в подобной ситуации. Чужая страна. Безумные законы. И юная дочь на руках.

– Да! – Аманда вскинулась и уставилась с вызовом. – Он тратил больше, чем мог себе позволить, а когда все-таки добыл разрешение, то... то...

– То выяснилось, что толку от него нет. Ему ведь недолго оставалось, верно?

Это некрасивое лицо скривилось, и показалось, что Аманда вот-вот расплачется.

– Зачем вам это?

– Затем, что я хочу понять, как целитель, опытный целитель и неплохой в сущности человек, а ведь ваш отец был таким, дошел до убийства.

– Он... он не хотел ее убивать!

И снова страх.

Липкий, явный, он выплескивается вовне, вне зависимости от желания Аманды. И пытаясь этот страх обуздать, Аманда ловит красные, в цвет браслета, пуговики на корсаже платья.

– Он... он просто помог ей. Он не знал, что эта женщина погибнет... а когда понял... когда осознал, что совершил, он пошел в полицию. Сам пошел! Он подписал признание и...

Горький запах лжи почти перебивает аромат страха, заставляя Тельму податься вперед.

Кохэну бы понравилось.

– Он умер в камере! Мой отец умер... и оставьте его, наконец, в покое! – это Аманда почти выкрикнула и запоздало зажала рот рукой. – Он умер... все закончено...

Тельма встала, набрала воды и протянула той, которая думала, что прошлое давным-давно похоронено.

– Возьмите. Выпейте. И успокойтесь.

Ей нужно было лишь прикосновение.

Люди, поддавшись эмоциям, плохо контролируют память. А та, мерзавка, так и норовит вывернуться наизнанку, обнажить сокрытое.

И если повезет...

...повезло.

В носшибануло вонью пережаренных шкварок и кошачьей мочи. За картонной стеной кричала миз Бьюм, полоумная старуха. И господин в сером костюме поморщился, ему все это было непривычным.

– Вас примут, – Аманда старалась держаться с достоинством, хотя больше всего ее

тянуло расплакаться.

Она ненавидела это место.

Убогое.

Грязное. Нисколько не похожее на их старый дом. Это только отцу кажется, что Минди слишком мала и не помнит прежней их жизни. Все она прекрасно помнит. И желает вернуться.

А этот господин... он поможет.

– На, девочка, – он кидает на стол серебряную монету. – Сходи. Купи себе мороженого.

Он, как и многие, обманывается, считая Минди маленькой. Это у нее врожденное, а еще она питается плохо. Но деньги Минди взяла.

Пригодятся.

Она вышла на лестницу и поднялась на пролет. Дверь на чердак была заперта, но это если не знать, что замок открывается пальцем. Конечно, если пальцы достаточно тонкие. Как, например, у Минди.

Поднажать. Повернуть.

Войти.

Прикрыть за собой.

Три шага по широкой балке. Голуби приходят в волнение, но от этих наглых птиц Минди просто отмахивается: да и те, кто внизу, вряд ли обратят внимание на голубей. Она останавливается у заветных досок и замирает, опасаясь пропустить хотя бы слово.

– ...подумайте... – голос господина звучал вкрадчиво, и Минди вздохнула: вот за такого бы замуж выйти. Он состоятелен и вряд ли заставит жену работать. У него наверняка есть свой дом, и еще прислуга в этом доме. И на ужин ему подают оленину, а не тушеную капусту, сверху политую топленным жиром. – Мой клиент оказался в курсе вашей ситуации. И предлагает выход.

– Убийство?

Отец зол.

Вот всегда он так. Моментально вспыхивает, кричать начинает, забывая, что на клиентов кричать никак нельзя. И обзывать их тупыми, даже если они и в самом деле слишком тупы, чтобы понять: рекомендациями целителей не стоит бросаться.

– Вы предлагаете мне совершить убийство! – жестче повторил он. – И я вообще не понимаю, почему до сих пор не вызвал полицию...

– Я предлагаю вам совершить обмен. Жизнь на жизнь, – господин полиции не испугался. И правильно, отца там недолголюбивают. Его нигде не любят. Слишком резкий. Слишком принципиальный.

Гибче надо быть.

– Сколько вам осталось? Пару месяцев? Полгода? Год? Вы целитель, вы лучше меня представляете ситуацию.

Молчание.

Курлыканье голубей. И визг старухи, которой вновь примерещилась крыса. А может, и не примерещилась. Крысы здесь водились матерые, откормленные.

– Допустим, лично вас смерть не пугает. Но вы о дочери подумали? Что станет с ней? Сейчас ваша практика – единственный источник дохода. А потом? Куда ей идти? В дом терпимости? Там любят нимфеток...

– Прекратите!

– Это вы прекратите прятать голову в песок. Попробуйте мыслить рационально. Или та, незнакомя вам женщина, или ваша родная дочь, которую вы обрекаете на медленную смерть.

– Я...

– Помолчите, ради Бездны. Вы хотите пригрозить полицией? Боюсь, вам не поверят. Да и что вы знаете? Мое имя? Или имя той, которая в любом случае обречена? Не вы, так кто-то другой... деньги нужны многим.

Аманда стиснула кулаки: ну же, отец, соглашайся!

Что тебе стоит...

– Пять минут. И я уйду. К следующему номеру моего списка. Глядишь, он окажется не столь принципиален, а вы останетесь. Здесь. С вашей болезнью и вашей девочкой, которая не протянет долго на этих улицах. И после моего ухода вы будете гадать, как бы сложилась ее жизнь, если бы у вас хватило смелости...

Она до последнего ждала, что папа его остановит.

Окликнет.

Сделает хоть что-нибудь. Но тот остался в своем кабинете, небось пытался справиться с собою и гневом. Минди не помнила, как выскочила в коридор, скатилась по лестнице, движимая одной-единственной мыслью: догнать.

Этот господин в костюме из серой шерсти, в кашемировом пальто, которое он нес на сгибе локтя, являл собою единственную надежду Минди.

– Стойте! – она догнала его у дверей. – Погодите... я... я все сделаю!

Она бы схватила господина за руку, но не посмела.

– Подслушивала? – с вялым интересом спросил господин, и в блеклых глазах его Минди не увидела неодобрения.

– Да! – она задрала голову.

– Что ж... идем, дорогая девочка... сколько тебе?

– Шестнадцать... я не целительница, хотя дар имею. Слабенький, но имею... папа против того, чтобы я шла учиться, и еще...

– Денег нет, – господин не подал Минди руку, впрочем, этого она и не ожидала, прекрасно осознавая разницу между собой и этим человеком. – И что ты слышала?

– Немного.

Было ли ей страшно признаваться?

Было. Но Минди переступила страх. В конце концов, что она теряет? Если он так смело говорил с отцом, то и вправду полиции не боится. А уж Минди давным-давно не думает угрожать.

– Вы хотите... решить проблему одной дамы...

В отличие от отца, Минди предпочитала думать, что говорит.

– Хорошо. А как именно?

– Н-не знаю, – вынуждена была признать Минди. – Таблетки? Или микстура? Я умею готовить многие микстуры... и таблетки... и у меня есть доступ к отцовским рецептам. Я их выписываю. В последнее время, как вы сказали, у него есть сложности со здоровьем. И если вам нужен рецепт...

– Рецепт нужен, – милостиво кивнул господин.

У подъезда его ждала машина.

И Минди задохнулась от восторга: никогда еще она не видела машины прекрасней. Темно-синий «верро» с откидной крышей, сияющий хромом, сладко пахнущий кожей и

дымом.

– Садись, Минди, – господин любезно открыл дверцу, и Аманда, усмирив внезапную дрожь, скользнула на сиденье. – Одного рецепта мало.

– А... что еще?

– Тебе приходилось делать операции? – он провел ладонью по приборной панели. Вишня? Или бук? Красное дерево? Хром, медь и бронза приборов. Легкий флер магии, которая впервые не казалась враждебной.

– Да, – решительно ответила Минди. – Я вскрывала раны. Чистила. Зашивала. Когда у миз Грюнич случился гнойник...

– Избавь от подробностей, – господин прервал ее речь. – Я имел в виду не совсем такие операции... я говорил об абортах. Знаешь, что такое аборт?

Он думал смутить Минди?

Лет пять тому назад она, быть может, и смутилась бы. Лет пять тому назад она, растерянная девочка, еще надеялась, что жизнь ее вот-вот наладится или хотя бы станет немного похожей на прежнюю, где Минди имела собственную комнату и выводок кукол в розовых платьях...

– Мне случалось делать и аборт, – Минди ответила это, глядя в серые глаза господина.

– Даже так?

Она дернула плечиком. Осуждает? К отцу ведь приходили... девочки... те девочки, в число которых она, Минди, способна войти, вне зависимости от ее желания. Приходили.

Просили.

А он упирался.

Мол, жизнь даруется свыше, воля богов... эти боги если и существовали, то в храмах. До людей им давно уже не было дела. И отцовская принципиальность многих расстраивала. Минди же помогала.

Небесплатно.

– Мне было четырнадцать, когда я сделала первый аборт. Это не так и сложно, особенно... – она запнулась, не зная, нужны ли ему подробности, но все же договорила: – Многие из них не задумываются о последствиях. Им нужно решить текущую проблему, а уж сумеют они забеременеть потом или нет... если нет, оно и лучше. Дешевле станет.

Минди стиснула кулачки.

– Да... ты полна сюрпризов. Отец в курсе?

– А сами как думаете?

Он только удивился, что к нему перестали приходиться проститутки, и решил, будто причиной всему – та самая хваленая принципиальность.

– Мой отец думает, что еда на столе появляется по воле богов. Так что вы собирались предложить? Ваша... знакомая ищет специалиста, который помог бы ей...

– Не ищет, девочка... она не ищет.

– Значит, отец ребенка?

Минди всегда и все схватывала быстро. Отец даже сетовал, что дар у нее слабоват. Мол, будь чуть поярче, из Минди вышел бы неплохой целитель. Для женщины, конечно.

– Тебя это не должно интересовать...

Взгляд его сделался холодным.

– Извините, – Минди села прямо. – Меня и не интересует. Цена вопроса?

– Десять тысяч.

– Не смешите. Если бы речь шла о простой... операции, это было бы неплохо...

Сердце Минди остановилось. Десять тысяч талеров... это невообразимая сумма! Хватит, чтобы колледж оплатить. И на жизнь останется, и, наверное, она рискует, требуя больше, но чутье подсказывало...

– Но вам же нужны гарантии, что операция пройдет... успешно.

Она нашла в себе силы смотреть в глаза господина.

– Именно. А ты хваткая девочка...

– Мне приходится.

– Пятнадцать...

– Двадцать пять. И место в приличном госпитале, когда отучусь.

Минди замерла, сама испугавшись собственной наглости.

– Почему мне просто не выставить тебя?

– Потому что у вас нет времени искать кого-то другого, – она чувствовала его смятение, и еще собственную правоту. Нет, Минди и близко не была эмпатом и уж тем более ментальной магией не владела, но Третий округ способствует развитию неожиданных талантов. – Когда вы сказали про список, вы лгали. Его нет и быть не может. Не так и много целителей, оказавшихся в патовой ситуации. Да и те, к кому пойдете, вряд ли потребуют меньше...

Она готова была согласиться и на пятнадцать. Это тоже много, но если господину она действительно нужна...

– Скажи, – спросил он, склоняясь к Минди. – А тебя это не пугает?

Убийство, которое придется совершить?

Нет.

Минди доводилось видеть смерть. Тихое угасание матери, которая никак не могла уйти и держала их с отцом. Как было ее бросить? Отец не решался, а Минди... Минди верила ему... ждала и дождалась. Она нынешняя не стала бы чиниться и поторопила бы неизбежное.

Глядишь, и отец не надорвался бы.

Это ведь еще тогда началось, в Старом Свете. Потом были корабль, затянувшееся путешествие, паруса и запах дыма котельной. Крысы. Мор, остановить который он и другие пытались честно, видя в том свой долг и не понимая, что причина мора – отнюдь не затхлая вода, не крысы, но сам Старый Свет. Ему, агонизировавшему, нужна была жертва.

Смерть была и здесь, в новом доме. Многоликая. Жадная.

Порой бессмысленная совершенно.

За эту хотя бы заплатят.

– Нет, – Минди ответила на вопрос спокойно.

И господин поверил.

– Хорошо...

...воспоминание рванулось, пытаясь уйти из плена чужого восприятия, и будь Тельма слабей, у него получилось бы... но она не отпустила.

Запретный прием.

Противозаконный. Но ей ли думать о законе?

Она перехватила бледные запястья, стиснула их, выворачивая... кажется, чашка упала... разбилась... кажется, Аманда застонала, пытаясь заслониться, сохранить остатки памяти-предательницы.

Ни за что.

...помни, девочка, ты сама согласилась.

Голос.

И дом. Смутный образ, стертый. Значит, приглашали не только целителя, но и кого-то, кто поработал над памятью Аманды. Отсюда это ощущение пустоты, неполноценности.

Нельзя изъять все воспоминания.

Запах роз.

И духов.

Женщина на кровати.

...мы будем делать это здесь?

Роскошь обстановки и зависть, острая, как скальпель. Эта зависть убивает остатки сочувствия, что правильно. Сочувствие способно пробудить совесть, а она как раз лишняя. Нет, эта женщина сама во всем виновата.

...кровь.

Минди не боится вида крови. На сей раз ее и должно быть много. Женщина стонет, ворочается, словно в бреду, и даже странно, что очнулась она лишь сейчас. Кажется, она пытается открыть глаза. И это плохо. Женщина не должна запомнить Минди.

...дайте ей.

...в аптеке на углу Минди знали, и старенький провизор, который давно уже отучился проявлять любопытство, без вопросов выдал лекарства. Рецепты она выписала сама. Печать взяла отцовскую.

...дайте ей... это не позволит крови остановиться...

И вновь память сопротивляется, становится жесткой, неподатливой. И вытягивать каждое слово, каждый образ приходится с трудом.

Это небезопасно.

Ни для Тельмы, ни для реципиента, но она не готова остановиться сейчас.

...деньги в банке. Минди больше всего боялась, что ее обманут с деньгами.

...перевести на другой счет. Выбить ключ. Привязка на крови – самая надежная. И серый человек, который должен поработать с памятью Минди – она ведь понимает, что эта память не должна сохранить лишнего, – не пугает ее так, как возможность остаться нищей.

Глаза человека...

...пустота.

И тошнота.

И все-таки разрыв, болезненный для обеих. Тельме удастся устоять на ногах, хотя и с трудом. Она опирается на стол, и осколки фарфора под ногами – свидетельство, что опирается давно. Аманда же сидит на полу. Из ее носа и ушей идет кровь, которую Аманда пытается вытереть рукавом.

– Вы... – голос к ней возвращается быстро. – Да как вы посмели! Это незаконно!

– Да неужели?

Тельме хочется и плакать, и смеяться.

Незаконно? Ей ли, благообразной особе, руки которой по локоть в крови, говорить о законе?

– Я... я буду жаловаться.

– Попробуй, – Тельма все-таки сползает на пол, потому что сил не осталось. И Мэйнфорда, который поделился бы, рядом нет.

Хорошо, что его рядом нет.

И все-таки не хватает.

– Думаете, вам все можно... я знаю свои права... – Аманда дотянулась до полотенца и прижала к лицу. – Срок давности по тому делу прошел...

– Это если расценивать его как непредумышленное убийство, – поправила Тельма. – Вашему отцу предъявили именно такое обвинение. Но в вашем случае о непредумышленности речи не идет. Вас наняли именно для того, чтобы убить... Элизу.

В последний миг она спохватилась, назвав маму по имени.

Так будет лучше.

Правильней.

– Это убийство первой степени. А по нему срок давности – двадцать пять лет.

Тельма потрогала переносицу. Сухо. Сердце колотится на пределе. А перед глазами плывет все, качается... и что делать?

Она нашла убийцу.

– Вы... вы... это незаконно, – Аманда быстро пришла в себя. – Ваша информация незаконна. Вам не позволят ее использовать и...

Наверное.

Нет, если попробовать... любое дело можно достать из архива на основании новых данных. Но позволят ли Тельме? Стоит тронуть серую папку, не пролистать, не прочесть, а попытаться вытащить из пыльного угла, и все изменится.

Очнется Гаррет.

И Мэйнфорд, каким бы ласковым он ни был в последние дни, покажет истинного себя. Нет, пока рано... и пусть теперь Тельма знает правду, но она понятия не имеет, что с этой правдой делать.

– Почему он признался? Ваш отец?

– Вы не отстанете, – не голос – шипение, и сама она, женщина с растрепанными волосами, в измаранном кровью клетчатом платье, на змею похожа.

– Не отстану, – согласилась Тельма. – Сейчас у тебя есть шанс. Расскажи, как все было, и я уйду.

Правда.

– Забуду о твоём существовании.

Ложь. Но женщине так хочется верить, что от Тельмы легко отделаться. Ей ведь даже не деньги нужны, а всего-навсего слова.

Слова ничего не стоят.

– А если нет? – но эта женщина не привыкла сдаваться просто так. Она многое повидала. И многое пережила. Она выжила.

Выбралась. И не собирается поддаваться на шантаж.

– В полицию пойдете? – с вызовом поинтересовалась она. – Я буду настаивать, что именно вы внушили мне эти воспоминания. Конечно, вы потребуете экспертизы, и быть может, в судебном порядке добьетесь моего согласия на нее. Но не думаю, что это будет просто.

Ну да.

Незаконное проникновение. Незаконное считывание. Незаконное... смешно, что закон сейчас на стороне убийцы.

– Я пойду к твоему мужу, – Тельма все никак не могла справиться с головокружением. –

И покажу ему то, что увидела. Он ведь не в курсе, верно? Как думаете, будет впечатлен?

– Вы...

О, а теперь милая Минди злилась. Конечно, она ведь любит мужа, точнее любит собственную жизнь, которую выстраивала по дням и неделям. И брак ее – не удача, а результат тщательного планирования и долгой охоты.

– Для этого мне ордер не нужен... как и разрешение... так все-таки почему твой отец признался? Или, дай угадаю... он понял, что ты сделала. И решил защитить.

– Он сам виноват.

И верит?

Верит. За годы успела себя убедить, что иного выхода у нее не было и быть не могло.

– Он должен был избавить меня от всего этого... а струсил. Всегда был трусом, – Аманда подползла на четвереньках и протянула руку. – На. Смотри.

Узкое запястье.

Пластиковый браслет. И кровь почти не видна. Красное на красном попробуй разгляди. Тельма пробует. Глядит. И страшно нырять за грань чужих воспоминаний, но как иначе она узнает?

...комната.

...запах жареной капусты и шварок. Вновь орет безумная старуха, когда ж уже она сдохнет? Сегодня старуха раздражает Минди сильнее обычного, пожалуй, сильнее даже собственного папаши, который сидит на диване, держится за голову и раскачивается.

Влево-вправо.

Вправо-влево. И вид такой несчастный...

– Не молчи, – Минди встала напротив. – Скажи уже, что ненавидишь меня.

– Как ты могла? – этот вопрос он задал, когда по радио сообщили о смерти Элизы Деррингер. А Минди впервые узнала имя той, которую убила. Последнее было совершенно лишним. Минди и без имени жилось неплохо. – Как ты...

Надо было отрицать.

И плакать.

Минди пробовала, но отец в кои-то веки слезам не поверил. Пощечину отвесил, и такую, что зубы клацнули. Сама дура... татуировку банковскую следовало спрятать получше.

Хотя как ты ее спрячешь?

И так бинтом руку замотала...

– Как я могла? – Минди устала притворяться несчастной. – Обыкновенно, папочка. Так, как должен был ты смочь.

– Ты убила человека...

Сколько пафоса.

– Почему, Минди?

И наивности.

– Ты и вправду не понимаешь? – она поморщилась. Все-таки иногда отцовская бесхребетность ее поражала. – Ты умрешь. Завтра. Послезавтра. Через неделю. Но умрешь. И что будет со мной, ты подумал?

– Ты умная девочка...

– Я нищая девочка! – Минди не боялась говорить громко. Здесь, если кто и услышит, то не придаст значения. В старом доме привыкли к воплям. – Я девочка, которая окажется на улице. Или ты надеешься, что кто-нибудь из твоих старых пациентов проникнется моей

историей?

– Я писал письма...

– Засунь их себе в задницу! – рявкнула Минди. – Свои рекомендации... да плевать здесь всем на то, что было когда-то! Максимум, что мне перепадет, – десяток талеров от благотворительного фонда. А потом что? Я хочу в колледж, но моего дара не хватит на стипендию, ты сам это говорил. Мне придется платить за учебу.

– Кредит...

– И чем я его отдавать стану? Даже если вдруг случится чудо, и банк выдаст кредит девчонке без работы и жилья. Папочка, включи голову! Подумай наконец не о своих драгоценных пациентах, а о дочери родной!

Он думал. Абстрактно думал.

Наивно.

Мол, найдется кто-то, кто позаботится о Минди. Или она сама. Она ведь сильная девочка. А когда дошло до дела, когда выяснилось, что силы у нее и вправду хватает, он тут в ужас пришел.

Никакой логики.

– Моя дочь...

– Именно, что твоя дочь. И обо мне ты должен заботиться. Но почему-то тебе всегда было на меня наплевать!

– Да я все...

– Не надо, папуля. Ты все делал именно так, как было удобно тебе. Возиться со шлюхами выше твоего достоинства? Делать аборты незаконно, о стреляных ранах ты обязан доложить... ты хотел остаться чистеньким? Поздравляю, тебе удалось. Только обо мне ты если и вспоминал, то в последнюю очередь!

– А если тебя найдут?

Об этом Минди старалась не думать.

Кто будет искать ее? Тот господин, чье лицо исчезло из ее памяти, не дурак. И если уж пригласил менталиста поработать с памятью Минди, то и место подчистить додумается. Да и... Нью-Арк большой, и целителей, которые в нем подрабатывают абортами, много. Минди ведь даже не целитель.

Она так...

И только отец непостижимым образом сумел сопоставить визит господина, ее исчезновение и смерть Элизы Деррингер...

– Не найдут, – уверенно произнесла Минди.

– И тебе совсем не жаль эту женщину?

Жаль? Минди было жаль себя. Искренне и от души. А Деррингер... она неплохо жила. Богато. Вон какой дом огромный отгрохала, и не где-нибудь, а на Острове, где клочок земли безумных денег стоит. И в доме этом вещички отнюдь не дешевые были.

А что до остального, то сама виновата.

Решила прижать кого с этим ребенком да не подрасчитала... вон, прошлой зимой одна шлюха тоже решила в мамки выскочить, понесла от серьезного человека и предьявы кидать стала. И где она теперь? То-то и оно...

– Не жаль, – заключил отец печально. – Что ж... наверное, в этом и вправду есть моя вина. Если ты способна думать только о деньгах...

– О душе я позже помолюсь.

С деньгами и грехи отпускают легче.

Он же махнул рукой. А вечером напился. Минди даже испугалась. Немного. Она вечер не отходила от отца. И весь следующий день. Он был тих, а Минди старался не замечать. И когда она поверила, что все уже позади – вот и вправду, чего дергаться, если дело сделано? – папаша отколол номер. В полицию заявился, и не в местный участок, где его знали как облупленного.

В центр не поленился съездить.

Признался он.

Вину на себя взял... очередное тупое благородство, которое на хрен никому не нужно было. Минди даже замерла, а ну как папашу через чтеца прогонят? И тогда узнают правду?

Она была зла.

Нет, она была просто в ярости... и господин, как он отреагирует? Вдруг да решит от Минди избавиться, на всякий случай?

Но время шло... к Минди, конечно, наведались из Управления. Вопросы задавали. Она отвечала именно так, как должна была отвечать бедная девочка, раздавленная внезапной правдой об отце. Всплакнула даже. То ли слезы подействовали, то ли господин на свои рычаги нажал, но следствие завязло.

А потом Минди вообще извещение пришло, что папаша помер...

...это воспоминание не рассыпалось – лопнуло старым гнойником, обдав напоследок смесью чужих эмоций: скупой стыдной радости, легкого сожаления... и веры, что все сложится.

– Вы... – Аманда сидела рядом. Ее била мелкая нервная дрожь. – Вы не понимаете. У меня выхода другого не было... выбора... от этого зависела вся моя жизнь...

И да, откажись она, что было бы с мамой?

Сумел бы тот, в сером, найти другого исполнителя?

Или...

...и кто он такой вообще?

На Гаррета не похож совершенно. Конечно, может статься, что образ замещенный и к реальному отношения не имеет, но, с другой стороны, Гаррет – не тот человек, который лично попрется искать исполнителя.

Да и... слишком приметен он.

Тедди?

Нет, тоже не то, хотя...

Кто-то третий, кому Гаррет пожаловался на любовницу с ее планами, способными разрушить его замечательную карьеру? Вот это похоже на правду. Только как этого третьего отыскать?

Или... конечно.

Машина.

Они заместили образ, но вряд ли стали бы тратить на машину. Не сочли важным элементом. А ведь девочку Минди машина привела в восхищение, и потому образ ее отпечатался глубоко.

Четко.

Если попросить слить... но кого? Кохэна? Он моментально донесет начальству. А Мэйнфорд потребует объяснений. Но ладно, возможно, Тельма и сама справится. В Архив не только уголовные дела попадают. Автомобиль выглядел новым, следовательно, куплен был не

так давно.

За покупкой всегда следует регистрация.

Логично.

Останется поднять данные по зарегистрированным на тот год синим «верро», марка не самая популярная из-за безумной цены. Их не будет много. Затем найти владельца, который каким-то образом связан с Гарретом...

...все выглядело логичным.

– Теперь вы уйдете, – Аманда встала на четвереньки. – Вы обещали... скоро появится мой муж... он не должен вас видеть.

Тельма тоже встала.

Пить хотелось.

И есть.

Но на гостеприимство Аманды рассчитывать явно не стоило.

– Я больше ничего не знаю... ни имен, ни...

– Кто дал вам рекомендацию?

– Что?

– Кто дал вам рекомендацию, по которой вас приняли в госпиталь? Выпускников много, а место приличное достается единицам. Кто вас рекомендовал?

Тельма надеялась, что Аманда смутится. Или замнется, но та лишь дернула плечом:

– Наша куратор. И это не имеет никакого отношения... уходите же, в конце концов! – это она выкрикнула. И сама вцепилась в рукав Тельмино пиджака, дернула, поторапливая. – Если вы попытаетесь сюда вернуться, то я... я не знаю, что я с вами сделаю!

– Утомонись.

Бледные пальчики Тельма отодрала не без труда, испытывая преогромное желание пальчики эти сломать.

– Я... у меня выбора не было!

Аманда шла за Тельмой до выхода, не провожая, но стеная, словно призрак. Все повторяла что-то про выбор, про жизнь свою тяжелую и остановилась лишь в холле.

В огромном чистом холле.

Стерильном, будто с картинки сошедшем.

– Д-дорогая, ты уже проснулась?! – с нарочитым восторгом воскликнула Аманда и Тельму к двери подтолкнула. – Не бойся, тетя уже уходит... сейчас уже уходит...

Девочка, впрочем, не выглядела напуганной. Она сидела на полу, разложив обрывки газеты, остатки которой она прижимала к груди сухонькою левою ручкой. Вывернутая под причудливым углом, та была похожа на ветку, та же шершавая темная кожа-кора, узкая ладонь, растопыренные пальцы, которые слегка подрагивали. Правая рука, впрочем, была нормальна.

Почти.

Неправдоподобно длинная, точно кости вытягивали, и бледная, та торчала из рукава нарядного платяца.

Девочка медленно повернулась к Тельме, позволяя разглядеть и горбик, и впалую, вдавленную грудь. Вот шея была длинной и чистой, а голова, на ней сидевшая, огромной и несуразной, кривобокой какой-то. Одна половина слегка сплюснутая, другая, напротив, вытянутая. И лицо, глядеть на которое было тяжело, хотя в свое время Тельма повидала уродцев. Поплывшие глаза, один расположенный выше другого, нос, свернутый набок.

Огромный рот. И пузыри на губах.

– Уходит! – взвизгнула Аманда, обнимая дочь, которая заворочалась, засопела, пытаюсь выбраться из объятий. – А ты... ты иди! Ты видишь, ей не нравится, когда на нее смотрят!

– Ей все равно.

В бледно-голубых глазах девочки Тельма не увидела ни неодобрения, ни раздражения, ни вообще малейшей искры разума.

И да, пожалуй, Бездна любит шутить.

– Ой, Мэйни... не скажу, что счастлива тебя слышать, – Алиссия ответила сразу, будто ждала звонка. И тонкий ее голосок звенел в трубке, заставляя Мэйнфорда морщиться.

Немного мучила совесть.

Ему бы с иными делами разбираться, благо имелось, что добавить на треклятую стену в третьей допросной, а он вот личные устраивает. Или не совсем чтобы личные? Тельма – часть происходящего. А пока она носится со своими тайнами, Мэйнфорд не может быть в ней уверен. Да и не займет звонок много времени. Это не завтрак с сестрицею, растянувшийся на пару часов.

– Не говори, что соскучился.

– Конечно, соскучился, дорогая, – покривил душой Мэйнфорд.

Алиссия захихикала.

– Тогда ты опоздал! Я выхожу замуж!

– Чудесно! За кого?

– А ты не знаешь? – в зефирном голоске Алиссии проскользнули ноты обиды. – Я думала, что ты поэтому звонишь... прочел о свадьбе... вспомнил нас...

– Нас я никогда не забывал, – врать по телефону все же было легче. – Но увы, я про свадьбу не знал...

– Гаррети... тот самый Максимус Гаррети...

Знакомая фамилия.

И Мэйнфорд искренне попытался вспомнить, кто же таков этот самый Максимус Гаррети, которого угораздило связаться с выводком плюшевых медвежат.

– Ты неисправим... – вздохнула Алиссия. – Ювелирный дом Гаррети. Универмаги Гаррети...

– Тогда вдвойне поздравляю. Ты достойна его состояния...

– Вот что мне в тебе нравилось, так это твоя откровенность. Никогда не давал себе труда быть вежливым, – хмыкнула Алиссия. – Но в целом ты прав, его состояние – это единственное, что в нем может привлечь. Он такой зануда! Я бы десять раз подумала, но мой папочка так мечтает породниться... а папочке сложно отказать...

Надутые губки. Приподнятые бровки. Выражение искренней обиды, которое Алиссия тренировала перед зеркалом не один час. И сухой остаток в виде реальности: пока папа Алиссии оплачивает ее счета, дочурка будет делать именно то, что ей велено. И замуж пойдет за того, на кого папа укажет, раз уж не сумела сама себе подходящего супруга добыть. Впрочем, все это – чужие проблемы.

– Тогда сочувствую...

– Между прочим, если бы ты хорошенько подумал...

– Лисси, не стоит.

– Твоей матушке я нравилась. Она мне не так давно звонила, намекала, что с объявлением помолвки стоит погодить, ты передумаешь.

Надо же, какие интересные подробности.

– Не передумаю.

– Я тоже так решила. Максик, конечно, не подарок, но он щедр. И не собирается меня в чем-то ограничивать, если, конечно, я буду соблюдать приличия...

– Так замечательно...

– Еще слышала, будто у тебя со здоровьем нелады...

– Какие?

– Не знаю, – Алиссия наверняка устроилась на полу. Сладкая девочка в ванильном платице с кружевами. Кружева она любила самозабвенно, а еще ленточки, пуговики и все то, что сочеталось с нежно-девичьим образом. Когда-то это Мэйнфорду нравилось.

Потом злило.

Теперь... было все равно.

– Но что-то серьезное, то ли нервы, то ли голова... главное, что осталось тебе недолго.

Ты там здоров?

– Здоров.

– Мне тоже показалось странным. Если ты болен, то зачем тебе жена?

– Незачем. – При всей своей нарочитой кукольности, Алиссия была особою практичной. – Милая, а ты не могла бы послушать?

Раньше он сплетнями не особо интересовался, но если уж речь о близкой кончине зашла, то стоило пересмотреть принципы.

– Мне Максик колечко подарил... с бриллиантом...

– Я тебе тоже подарю колечко.

– Зачем мне два колечка? – ненатурально удивилась Алиссия, в шкатулке которой колец было больше сотни.

– Тогда браслетик.

– Лучше сережки. Я недавно такие очаровательные сережки видела! С ума сойти можно!

Представляешь, такие крохотные бабочки...

– Скажи, пусть пришлют счет.

– Ты такой милый, когда не бука... не то что твой братец. Он мне никогда не нравился.

Мэйни, будь осторожен, пожалуйста.

– Буду, дорогая.

Что ему еще остается делать. Интересно, во что серьги Алиссии станут? Тысячи полторы? Две? Вряд ли больше пяти, она всегда умела чувствовать грань. И нужны-то они ей исключительно коллекции ради.

– Он не так давно появлялся... – Алиссию легко было представить.

Сидит на пуфике.

Пушистом пуфике рядом с глянцевым столиком из последней коллекции кого-то там.

Прижимает к уху белоснежный телефонный рожок, наматывает провод на мизинец...

Воплощенная нежность.

Очередной обман.

– С недельку тому... о тебе беспокоился, предлагал навестить... – она говорила медленно, дразня Мэйнфорда, зная, его нетерпеливость. – Намекал, что можно было бы и без брака обойтись, что старая любовь не вянет. И что женщины у тебя давно не было.

Интересный поворот. И с каких это пор Гаррет озаботился личной жизнью старшего брата?

– Ему почему-то в голову взбрело, что если бы мы с тобой встретились, то ты бы не устоял... предлагал мне одну интересную вещь...

– Какую?

– Старый Свет. Там умели делать забавные штучки. Как по мне – довольно громоздко и

пафосно, ты же знаешь, тогда в моде была тяжеловесность... браслет невесты. Помогает забеременеть... забавно, да? Я Максику проболталась, он теперь купить хочет. Наследник ему нужен, видишь ли...

Браслет невесты? Что-то такое Мэйнфорд читал. Надо будет уточнить. Если вещь была популярна в свое время, то в справочнике о ней упомянут.

– погоди, – он всегда отличался некоторой медлительностью, которая мешала мгновенно вникать в суть вещей. – То есть он хотел...

– Чтобы я тебя соблазнила, забеременела, а потом, полагаю, вышла замуж... или, если замуж не получится, предъявила права на наследство, – теперь она улыбалась.

Мило.

Широко.

И глуповато, как положено улыбаться кукольным блондиночкам. И наверняка Гаррет счел Алиссию такой вот блондиночкой, позабыв, что в свое время она получила степень магистра юридических наук.

– Ты ведь в курсе Седьмой поправки. Право первородства. Распространяется даже на бастардов в случае отсутствия иных, законных потомков мужского пола. Знаешь, мне эта поправка всегда казалась несправедливой. Почему женщинам не позволено наследовать?

– Ты моя прелесть... ты отказалась?

– А сам как думаешь? – Алиссия позволила себе фыркнуть. – Не думай, Мэйни, что из любви к тебе...

– Из любви к себе – в это поверю.

Она рассмеялась.

– Дорогая, если ты хочешь что-то кроме сережек...

– Тебе пришлют счет. Мэйни, мне даже жаль, что я поторопилась тогда... надо было подождать годик-другой, но нет, молода была, нетерпелива, – она вздохнула, демонстрируя это притворное сожаление. – Один ты меня за дуру не держишь. Твой братец явно нацелился на твои деньги. Точно ничего не скажу, сам понимаешь, мне документы видеть надо бы, но сдастся мне, есть там определенная заковыка, которую поправка позволяет обойти. И искушение велико. Может, будь я понаивней, и решилась бы... а что, остаться опекуном при малолетнем ребенке до достижения им двадцати одного...

– Если тебе позволили бы...

– Вот именно, Мэйни. Видишь, как мы замечательно друг друга понимаем! У твоей семейки большие запросы, и еще один игрок им без надобности. Думаю, они бы предложили мне отступные... поначалу. А если бы не согласилась, то...

Молчание было выразительным.

– Лисс, ты же не всерьез.

– Всерьез, дорогой, более чем всерьез... от твоего братца падалью несет, и поверь мне, дело не в том, что он редко в душ заглядывает.

Алиссия гордилась своим чутьем, якобы доставшимся от бабушки-масеуалле, которая в далекие годы Освоения перебивалась предсказанием судьбы. Но вот существовало ли оно где-то помимо воображения Алиссии – вопрос.

– Так что, дорогой, еще раз повторюсь, будь осторожен.

– Буду, – Мэйнфорду подумалось, что звонок этот принес куда больше полезного, нежели он рассчитывал. – Скажи, Лисси, ты еще медведей своих не забросила?

– Обижает, – теперь в голосе ее промелькнуло удивление.

Понятно, прежде Мэйнфорд интереса к коллекции не проявлял.

– Нужна консультация...

– По игрушкам? – уточнила Алиссия.

– Есть в наличии медведь. Старый довольно, с виду ему лет десять, а то и побольше будет. Потрепанный изрядно, но видно, что в свое время он стоил немало.

– Любопытно. Опиши подробней.

– Ну... высота где-то дюймов десять. Основа – горный шелк. Поликристаллы. Наполнитель – уж извини, не скажу, но пропитывали альвийскими зельями. Запашок до сих пор сохранился.

– Аромат, – машинально поправила Алиссия. – Это от тебя после суток запашок был.

– Хорошо, – спорить с бывшей пассией Мэйнфорд не собирался. – Уцелевший глаз не стеклянный. Извини, в камнях я не силен, но кажется что-то из полудрагоценных. Еще номер имеется...

– Номер – это чудесно... записываю.

– Тринадцать сорок пять. И тройное «V».

– Как ты сказал?

– Тринадцать сорок пять. И такое следом, тройное «V», – терпеливо повторил Мэйнфорд. – Говорит о чем-нибудь?

Явно говорит. Иначе Алиссия не стала бы молчать, а она молчит, напряженно обдумывая, следует ли делиться информацией. И чем дольше молчит, тем больше у Мэйнфорда возникает сомнений.

– Дорогой... а ты уверен?

– Уверен.

– Интересно...

– Лисси!

– Не спеши, – мурлыкнула она. – Мне надо кое-что уточнить... кое-что... а этот медведь... можно на него взглянуть?

– Боюсь, что не выйдет.

Вряд ли Тельма обрадуется подобной просьбе.

– Жаль... а тот человек, у которого ты его видел... он не согласится продать?

– Сомневаюсь.

– Я предложу хорошую цену... двадцать тысяч.

– Сколько?

– Даже двадцать пять, – поправилась Алиссия. – И торг возможен. Так и передай. Больше никто не даст! Потребуют доказательств, сертификат, как я понимаю, не сохранился...

– Лисси!

– Что?

– Или ты излагаешь, что знаешь, или...

– Да, дорогой? – теперь ее голосок сочился медом, и это настораживало.

– Или я приеду и вытрясу из тебя, что ты там знаешь.

– Какой ты бываешь грозный... – в трубке раздался томный вздох, и Мэйнфорд покачал головой: каким бы ни был жених Алиссии, ему стоило посочувствовать. – Это не тройное «V», Мэйни. Это перевернутая корона...

Мэйнфорд почесал ухо. Все же не привык он вести длительные беседы по телефону, но

прерывать Алиссию было себе дороже.

– Ты ведь слышал эту легенду? Альвы Старого Света... двор Благой, двор Неблагой...

– Противоборствующие группировки, – он почувствовал глухое раздражение. Очередная история, корни которой уходят в глубокое прошлое? И почему вся эта легендарная хренотень решила ожить именно сейчас?

– Ты, как обычно, прям и даже груб. Альвы бы не одобрили, – это не было упреком, скорее уж констатацией факта. Мэйнфорд подтянул телефон поближе, откинулся в кресле и кресло развернул к стене.

Уставился на старые снимки.

Двор Благой и двор Неблагой, что-то такое дед говорил... вспомнить бы, что именно...

...собственный двор замка был узким и тесным, огороженным каменными стенами, которые, впрочем, не способны были защитить от пронизывающего ветра. И потому во дворе этом не приживались ни матушкины породистые хризантемы, ни даже дикая трава, которой поросли скалы.

Местные камни покрывал тонкий ковер мха.

Летом мох погибал под солнцем, делался сухим и жестким, а к осени оживал, зеленел, и в этом Мэйнфорду виделось что-то противоестественное. Зимой же зеленую поросль затягивало тонкой пленкой льда. А мох все одно жил. Как и древняя, перекрученная сосна, якобы привезенная далеким предком. Надо полагать, тем самым, от которого Мэйни достались и проклятье, и замок.

– ...давным-давно, в Старом Свете... – дед выходил во двор, когда ему взбрело в голову, что в замке не хватает воздуха. – Была такая присказка... в какой колер альва ни выкрась, а человеком не станет.

Дед устраивался на валуне и курил трубку.

– Благой, Неблагой... все единым миром мазаны. Человека им раздавить – что нищему вшу. Не почешутся даже, только те, которые вроде как Благой, притворяются, будто бы им до людей дело есть. Опекают. Старшая раса... а другие... жили-были в стародавние времена, в такие стародавние, что людям о том и помнить не положено, два брата. Альва. И влюбились они оба в прекрасную деву...

– Альву?

– А то... не человечку же, – дед усмехнулся. – Дева долго не могла выбрать. Во всем равны были братья. Всем хороши, и тогда сказала она, что с тем возляжет, кто сделает ее королевой. До того альвы не знали власти, почитая превыше всего свободу. И под каждым холмом свой закон имелся. Но желание девы... что ж, может, дева та только предлогом стала, но затеяли братья королевство строить. И воевать пошли. Один разил мечом, другой брал голосом, услышав который и альвы, и люди, и все твари живые разум теряли...

– А дева?

– У девы, похоже, иммунитет имелся, – дед выбил остатки табака на ладонь. – И вообще, помолчи, пока старшие мудростью делятся. Как бы там ни было, построили братья свое королевство. Протянулось оно от края до края моря. И на земле, и над землей не осталось ни одной твари, которая бы не знала, кому кланяться...

– А под землей?

Дед отвесил затрещину, но все ж уточнил:

– Цверги перед альвами устояли, но врата Железного Царства закрылись на многие сотни лет... не о том история. О бабах. От баб не жди добра, Мэйни... значит, королевство

было одно. И королева одна. А вот королей – двое.

– Как это?

Ветер принес снег. Острые колючие снежинки впивались в кожу, ледяной воздух царапал горло, но Мэйнфорд все одно не желал возвращаться.

Здесь, на каменном пяточке, он чувствовал себя свободным, как никогда прежде.

– Обыкновенно. Альвы же... никакого понимания... только бабе это надоело. Может, притомилась, оно ж двоих поди снеси, может, попросту решила братьев лбами столкнуть и себе корону прибрать. Но как бы там ни было, подговорила она старшего с младшим расправиться. Думаю, тот и сам уж решил, что быть королем в одиночку сподручней. И опоили они младшего, а пока тот спал, горло вырезали.

– Как?

– Откуда ж я знаю... это ты у целителей поинтересуйся, – дед хихикнул, явно потешаясь, правда, над внуком ли, над целителями, Мэйнфорд не понял.

– Выжгли глаза и бросили в темницу. Запомни, внучок, если случится у тебя враг смертельный, то не балуйся, сразу прибеги, а после сожги и пепел над морем раскидай. Так оно надежней будет. А все эти игрища... месть... после боком выходят. Так и тут... сотню лет провел Безголосый альв в темнице. И сперва клял судьбу, взывал к богам, но боги оказались глухи... братец его с бывшею женошкой и думать забыли. Царствовали себе...

Ветер завывал.

И море ярилось, чувствуя близость слабых существ, которым самое место в пучинах зеленых. Летели водяные табуны, разбивались о скалы в пенную кровь. И скала вздрагивала.

Замок с нею.

Только старая сосна оставалась неподвижной, как и дед под ней.

– Безголосому удалось дозваться, но не вышних тварей, а тех, кто некогда ушел под землю. Тогда-то и поднялись они, и развязали путы, раскрыли тайные тропы... опустела темница.

Мэйнфорду было жаль того, другого, преданного родными, проклятого и забытого.

– А вскоре началась новая война. И разделились альвы на тех, кому по душе была воля Благого короля, и тех, кто таил на него обиду... запомни, внучок, чем выше власть, тем больше вокруг нее обиженных. И поднялись знамена черные, как сама земля... и содрогнулись холмы, ибо не способна была защитить их родовая магия альвов. Пусть лишенный голоса, он обрел новые силы. И по знаку его открывались земли, проглатывали что альвов, что людей... пал бы король Благой, если бы не королева... бойся баб, Мэйни, одни от них беды...

Море затихло, слушая эту историю, которую наверняка уже знало, но подзабыло, ведь оно, первозданное, было огромно и историй хранило множество.

– Когда поняла она, что вот-вот лишится королевства, то и вырезала сердце у второго супруга, и поднесла его в дар Проклятому. И просила о мире... хорошо, наверное, просила, если был мир заключен. Но не принял предавшую дважды Неблагой король. Так случился Великий раскол. Альвы помнят о нем. И потомки Неблагого короля ненавидят Благой двор, а дети королевы боятся, что однажды данное Слово сотрется и война начнется вновь...

– А она начнется?

– В Старом Свете началась бы... однажды всенепременно началась бы. Альвы злопамятны и ждать умеют, но Старого Света больше нет.

Воспоминание отпустило.

Ушло, словно огромная рыбина под воду, и Мэйнфорд лишь лоб потер. Почему этот разговор раньше не всплыл в памяти? И что еще он подзабыл?

Несвоевременно как.

– Лисси, – он вклинился в словесный поток. – Покороче... и сначала.

...лица на снимках.

Дед строгий и немного смешной в старомодном своем костюме. Его снимок потемнел и утратил четкость. Стекло пошло мелкими трещинками, и потому различить изображение получается с трудом. Надо бы заменить и стекло, и снимок. Копию сделать. На память.

– Опять ты... Мэйни, может, все-таки к целителю сходишь? С какого момента ты ушел?

– Неблагодой двор.

– Ах да... считается, что в Новый Свет переселились только подданные Благой королевы, но это...

– Неправда?

– Не та правда, которой стоит безоговорочно верить. Перевернутая корона – это символ Неблагого царства... и лет двадцать назад этим символом пользовалась одна корпорация.

...мама на снимке молоденькая. Хрупкая. И безобидная...

– ...она поставляла кое-какие альвийские штучки. В частности, изготавливала игрушки. Не для всех, естественно. Плюшевого медведя, стоимостью в полторы тысячи талеров, далеко не каждый мог себе позволить. Впрочем, игрушки – это так, мелочи... альвийские шелка, масла, кое-какие эликсиры... медицинское оборудование. «Корона» просуществовала лет пять. А потом попросту исчезла.

Мэйнфорд повернулся левее.

Общий снимок. Парадный.

Мама очень любила такие, демонстрирующие единство семьи. Она и Джессемин сидят, взявшись за руки. Справа от магушки – отец. Рядом с ним – Гаррет. И Мэйнфорду место нашлось, и странно видеть себя со стороны, слишком хмурого, слишком массивного, неуклюжего.

Непохожего.

– Конечно, компании не исчезают бесследно, но с этой случилось именно так. И главное, что из всего, ею произведенного, остались сущие единицы... к примеру, достоверно известно о пяти медвежатах. Три находятся в музее. Один у меня. Второй – в... другой коллекции, – это Алиссия произнесла с немалым раздражением. – Твой будет шестым...

– Я рад.

– Если ты не солгал насчет номера. Этот медведь был приобретен Аниасом Ульвером, миллиардером, для своей любовницы Элизы Деррингер...

– Что?

– Аниас Ульвер, – спокойно повторила Алиссия. – Могу по буквам продиктовать. Только он уж лет пятнадцать как мертв...

– Женщина. Ты сказала, ее звали...

– Элиза Деррингер. Во всяком случае, все ее знали под этим именем, хотя оно – лишь псевдоним... это был чудесный роман. В свое время о них много писали. Он увидел Элизу в ее постановке «Волшебных снов», кстати, по альвийской легенде сделана, и влюбился. Он ухаживал за Элизой, послал ей букет роз из белого золота и купил дом на Острове.

– Неплохо.

– Я тоже так думаю. Преподнес алмазное кольцо с подвеской в сто сорок пять карат. Он

умел шокировать публику. Ходили слухи, что они собираются пожениться, но потом Аниас погиб. А его наследники, как сам понимаешь, не горели желанием поддерживать Элизу. Даже пытались судиться, вернуть дом, но здесь уж ничего не получилось. В общем, я готова купить этого треклятого медведя. Пусть твой человек сам назовет цену!

Элиза.

Деррингер.

Элиза Деррингер.

Имя, которое он когда-то охотно вычеркнул из памяти, вдруг вновь всплыло. И вот что с ним, с именем, делать? Избавиться не выйдет, но... какое отношение Тельма имеет к той Элизе?

– Мэйни, ты тут? – дверь распахнулась, мало что не ударив о стену. – Заканчивай со своими разговорами... там Джаннер повесился.

Повесился?

Громко сказано. Скорее уж повесили. И так хорошо повесили, что тело и спустя несколько дней не сорвалось.

Тельма смотрела на него снизу вверх. И Джаннер казался ей рыбиной, которую вытащили на берег, пристроили на лесах, да и забыли так. И в этой рыбине не было ничего страшного и даже отвратительного.

Свалка.

Река. Вода кажется близкой, но близость эта обманчива. До нее – ярдов триста, а то и четыреста. Земля, отравленная близостью завода. Редкие клочья осоки. И ямины-ловушки, заполненные до краев полужидкой черной грязью. В такую ступишь и провалишься, а земля лишь вдохнет, хлопнет да и выровняется.

Чуть выше виден сизый силуэт завода.

Чуть ниже тонут в тумане блоки многоэтажек.

Кружатся над свалкой чайки. И наверное, где-то здесь, рядом, нашли гнездо Безумного Ника. А девушку, изрезанную лилиями, чуть выше по течению.

Тельма стоит.

Ей так велели. Не мешать. Не мешаться. И вообще, быть может, посидеть в машине. Дождь ведь. От чтеца в дождь немного толку. И молоденький констебль, которому волею Мэйнфорда выпало держать зонт над головою Тельмы, лишь вздыхает. Ему хочется оказаться там, за желтой полицейской лентой, в гуще событий, а он с Тельмой мается.

– Что здесь когда-то было? – Тельме надоело молчать. В тишине оживали воспоминания, перехваченные у Аманды, а она пока не способна была справиться с ними.

– Здесь? – констебль вздрогнул.

Наверное, в мечтах он уже раскрыл это дело. С лету, как оно бывает. С первого шага. Заметив важную улику, которую пропустили и начальство, и техники, и гончие, что ныне носились по грязи, пытаюсь обнаружить хоть что-то.

И именно эту призрачную улику, а с нею и догадку о том, как оно все на самом деле было, паренек сжимал в кулаке. А зонт... зонт – это временно.

Он еще добьется признания.

И похвалы.

И быть может, звания внеочередного. Или даже медали вместе со званием. У честолюбия вкус мятной пастилы. Не сказать, чтобы Тельме вовсе не нравилось, но она предпочла бы немного иное.

– Здесь, – повторила она. – Что было?

Он огляделся, словно увидев берег впервые.

– Видишь, там на краю, – Тельма решила подсказать. Не то чтобы ей действительно так уж интересно было, но тишина и дождь – хороший повод для беседы. – Там явно остатки каких-то зданий...

Белый кирпич. Немного камня.

Эти здания если и существовали, то довольно давно. Ныне от них осталось полторы стены да одинокая кирпичная труба, устремившаяся в небеса.

– Н-не знаю, – вынужден был признать парень.

– Военные склады, – грязь влажно чавкала под ногами Мэйнфорда, а земля вздыхала, точно сожалея, что все ее ловушки, все ее ямы разом слишком малы для массивной этой фигуры. – Когда-то это была окраина. Там, – он махнул в туман, в сторону завода, – разместили третий гвардейский полк. А здесь – и склады. Ничего криминального. Еда. Ткани. Мыло. Поднимали вверх по реке баржи, потом перегружали. Позднее полк передислоцировали. Склады еще использовали, но оказалось, что место для них выбрано неудачно. Сама видишь...

Тельма видела.

Сквозь муть дождя, сквозь тонкий флер тумана. Склады выростали из земли, неуклюжие, мрачные здания, возведенные явно наспех. И строили их рабы, скрепляя растворы проклятьями...

...это было давно.

– Их пытались как-то использовать. Берег укрепляли, но без толку, – Мэйнфорд, выбравшись на твердую землю, попытался сбить грязь с сапог. – Иди в машину. Нечего здесь мокнуть.

– А взглянуть?

– На записи взглянешь. Все одно... толку от тебя... ты ела? Бледная какая-то.

Это убийство – а Тельма не сомневалась, что Джаннер в жизни не наложил бы на себя руки, не та натура, – Мэйнфорд расследовать будет, ибо так положено, но без особого рвения.

Она ничего не сказала.

И когда констебль тронул ее за локоть – он все еще надеялся побывать у воды, где торчала из грязевой ямины журавлиная шея древнего крана, – подчинилась.

В машине было жарко.

И жар этот мешал дышать. Он тысячей незримых игл впился в заледеневшие руки, и Тельма с трудом сдержала стон. Забыла. Засмотрелась.

...что Джаннер делал на пристани?

...его привезли или он приехал сам? Техники скажут. Даже если на теле не осталось ни грама магии, скажут. Повесили его живым? И что было, кроме этого повешения...

...вонь.

От реки несло, и вонь эта пробивалась сквозь фильтры, которые Кохэн вручил едва ли не силой. Сказал, пригодятся. Оно и верно,годились.

Собаки и те задыхались.

Надо бы отправить их. Вон и Следопыты косятся, злятся и переживают за подопечных своих, которые нарезают круги по пустырю. Бессмысленное занятие. Джаннер висит здесь дня три, и за эти три дня и в более сухом местечке следы бы размыло.

– Хватит, – Мэйнфорд махнул рукой, и старший в троице Следопытов потянулся к свистку. Звук, раздавшийся тут же, заставил самого Мэйнфорда согнуться.

Больно!

И мерзко. Но псы подчинились, поспешили к хозяевам, повизгивая и жалуясь что на холод, что на жар. Им Мэйнфорд даже позавидовал. Вон перевозка на месте, полчаса – и окажутся гончаки на псарнях, в теплых вольерах своих. Их вычешут, выскребут из короткой шерсти комки грязи. Накормят мясной похлебкой. Похвалят... хоть ты сам просись.

Нет уж, в ближайшие пару часов ни теплый вольер, ни похлебка Мэйнфорду не грозили.

– Снимайте! – рывкнул он техникам, облепившим кран к неудовольствию чаек.

Вот уж кто поживился за счет Джаннера. И думать не хочется о том, что осталось от тела.

Кран скрипел и покачивался.

С ним покачивалось и тело.

...зачем вообще было звонить в Управление? В этой глуши тело наши бы не скоро, если вообще наши бы. Еще пара-тройка дней, и птичьи стаи вычистили бы скелет. Кости просыпались бы в грязь, и та укрыла бы их надежно. Не впервой ей.

Но кому-то понадобилось, чтобы Джаннера наши.

Кому и зачем?

Звонок анонимный.

Короткий.

Имя. Место.

Запись Мэйнфорд прослушал, но вынужден был признать: пустой номер. Голос исказили, и вряд ли техники смогут убрать это искажение. А тело... с телом поработают, но опять же, что найдут?

Его опускали медленно, под хриплые крики птиц, не желавших отпустить законную добычу. И когда останки упали на брезент, Мэйнфорд выдохнул.

Можно убираться.

И начальству позвонить стоит, потому как эта смерть не оставит двуногих стервятников равнодушными. Пусть они и сами Джаннера на дух не переносили, но ненависть – это одно, а информационный повод – другое.

Начнут орать о разгуле преступности.

О покушениях на свободу слова.

Да и мало ли...

– Упаковывайте, – Кохэн умудрился сохранить не только одежду чистой, но и глянец на ботинках. – Вот и все... договорился.

Он сунул пальцы за воротник короткого пальто.

– Думаешь, за разговоры?

– Да какая разница, – Кохэн и не пытался делать вид, будто эта смерть его огорчила. – Главное, свое он получил, а от кого – это уже дело третье. Все одно не найдем.

Истинная правда.

Слишком много у Джаннера было врагов. Слишком часто совал он нос в чужие дела, слишком зависим был от своей силы. И похоже, влез все-таки во что-то такое, с чем не сумел справиться.

Закономерный исход.

И звонок анонимный, и эта находка – предупреждение, которое воспримут, но не поймут. Какое лобное место да без собственного храма? К вечеру начнется грызня, а к утру газеты разразятся гневливыми памфлетами, обличающими бездействие властей, которые допустили гибель такого талантливой и независимого засранца.

– Не нравится мне твоя задумчивость, – Кохэн вытащил платок и потер рукав, на котором расплылось белое пятно птичьей метки.

– Ничем не могу помочь.

Элиза Деррингер.

Целители.

Синтия.

Джонни... что нужно им было от Джонни? Госпиталь Пламенеющего сердца.

Медведь.

Тельма.

Ему определенно пора вернуться в допросную и добавить новые имена. Глядишь, и прояснится что-нибудь. А если и нет, то хотя бы не будет ощущения, что Мэйнфорд впустую тратит время.

– Выяснил что-нибудь? – он отвернулся, не желая видеть, как упаковывают тело. И старший техник, нахохлившийся, чем-то похожий на местных чаек, раздает команды. И птичьи стаи отзываются на команды его сонмом хриплых голосов.

– Да не особо... сам понимаешь, целители – приличные люди. Полиции такими не с руки интересоваться, – Кохэн оставил в покое пятно. – Теодор Белленштейн... младший в династии целителей. Работает в госпитале Пламенеющего сердца. На хорошем счету. Молод. Перспективен. Холост, что не дает покоя местным медсестрам, хотя головой они и понимают, что он птица не их полета. Ему прочат блистательную карьеру, хотя...

Завод пыхнул дымами.

И Кохэн поежился, развернулся, будто ощутив вдруг что-то. Вперил взгляд в реку, и Мэйнфорд посмотрел. Сосредоточился.

Ничего.

Потоки стабильны.

Размыты.

Слабы. Это нормально для места, где воды слишком много. И странно даже, что здесь вообще хоть какие-то линии держатся.

– ...он происходит из известной династии. И папаша его, к слову, тоже Теодор, – Кохэн говорил, не отрывая от реки настороженного взгляда. Что он видел?

Расскажет.

Если сочтет нужным.

– ...сам понимаешь, традиции. Так вот, отец, Теодор-седьмой, а сын, выходит, восьмой, но между ними особого ладу нет. Тео наш принципиально взял фамилию матери, хотя отцовская в медицинских кругах значила многое. Скажем так, эта фамилия многие двери ему бы открыла. В колледж Тео пошел в Сайоле, хотя в Нью-Арке его бы приняли с распростертыми объятьями. Закончил с отличием. Проходил интернатуру в местном госпитале, там же и ординатуру. В Нью-Арк вернулся лет десять назад.

– Что?

Паренек выглядел молодым.

– У него дар, и яркий, – Кохэну нравилось удивлять. – Поэтому выглядит он куда моложе. Ему сорок шесть.

– Почти ровесник.

И это неприятно. Мэйнфорд на свой возраст выглядит или почти выглядит, а вот Тео... Тео казался юным.

– Вернулся он, по слухам, ради матушки, но не в родительский дом. Снял квартиру в Первом округе. Устроился в госпиталь. С отцом сосуществует в целом мирно, но, по слухам, это и вправду скорее перемирие, чем теплые семейные связи. Что за дохлая кошка меж ними пробежала – никто не знает. К слову, у него и дядюшка имеется. Тоже Теодор.

Тело упаковывали. И чайки, чувствуя, что остались-таки без завтрака, протестовали. Они то спускались, падали, пугая техников, норовя ударить по плечу, вцепиться в волосы, то

поднимались и кружили, оглашая свалку жалобными воплями.

Мерзкое местечко.

– И дед их Теодор... как и прадед.

– А фамилия...

– Верно мыслишь, шеф, – Кохэн увернулся от особо наглой птицы, которая вознамерилась вцепиться в смоляные его волосы. – Фамилия у них только здесь и появилась. Вдруг. Наши ребята...

– Или кажется, что наши.

– Ты сам-то веришь в такие совпадения?

Нет, не верит.

И все же... все же слишком мало у них есть. Имя, всплывшее случайно, не иначе. Парень, что засветился на самоубийстве. И весьма благочинное семейство не из последних на Острове.

– Идем в машину, – велел Кохэн и сам же развернул шефа. – В последнее время ты какой-то не такой... не обижайся, но порой ты слишком много думаешь там, где думать вообще не надо...

– Я знаю, кто она.

– Чего?

– Тельма. Точнее, догадываюсь. Но скорее всего я прав...

– И это тебя не радует?

Чайки успокоились разом и вдруг. Они еще кружили, и в их суматошном мельтешении Мэйнфорду виделись престранные рисунки.

Люди.

Лица.

Сцены теневого театра.

– Смотри, – он удержал Кохэна. – Видишь?

Не птицы.

Не сами.

Ему не чудится или все-таки... он уже вторые сутки без таблеток, а голоса не возвращаются. Это ложь, они не ушли, всего-навсего затаились, дожидаясь своего часа. И когда Мэйнфорд поверит, будто избавился от них, вернутся.

А пока... пока треклятый город дразнит его.

...лицо... человек? Альв? Не цверг, цверги никогда не затевали войн, на диво практичная раса. И чуждая птичьих танцев. У них был король и, говорят, остался, но корону свою сдал на ответственное хранение, как полагается благоразумному цвергу. С нею и скипетр, и прочие побрякушки, мантию и вовсе сменил на серый корпоративный наряд.

...тройное «V», которое не буква, но корона.

Двор Благой.

Двор Неблагой.

Дитя, застывшее на грани. И два пути. Больное дерево. Свирель, которая не поет, орет голосами чаек. И кто-то рядом смеется.

...Мэйни, Мэйни, нельзя же быть настолько слепым! Или глухим. Или как назвать этот добровольный отказ?

Ты же не хочешь знать, что происходит на самом деле.

Боишься.

А город любит чужие страхи, они слаще халвы, той самой, которую ты порой позволяешь себе, стыдясь этакой слабости. Городу же чуждо чувство стыда. И все иные, кроме безумного азарта, с которым он ныне наблюдает за игроками.

Не подведи, Мэйни.

Птичьи крылья вдруг сложились в зыбкие линии, в знаки, которые Мэйнфорд однажды уже видел, но не в небесах – на камне, что до сих пор хранится в глубинах подвала.

...ты думаешь, что хранится.

...ты думаешь, что камень этот надежно спрятан. Укрыт. Но ты забыл, что замок – общий дом. Правом крови... и если Гаррет способен к магии... а он способен, чайки, рисующие символ за символом, знают точно, тогда тебе следует проверить.

...иначе быть беде.

Камень рухнул.

И прошел сквозь Мэйнфорда.

А в следующий миг сам он вдруг оказался распят на алтаре. Некогда огромный, тот был слишком мал, чтобы вместить тело. И скол камня упирался в позвоночник. Болели вывернутые плечи, и запрокинутая голова упиралась во что-то острое. Руки стянуты, и держат их цепи. Помнится, цепи были внушительные. Да и магию блокировали.

...тогда в Мэйнфорде не было ни капли магии.

...глупый мальчик. Тебя ведь предупреждали.

Это лишь кажется.

Просто бред.

Приступ.

Надо возвращаться. Надо убедить тело, что разум ошибся, бывает с больными, и камня нет, как нет цепей. Но попробуй сделать это, когда холод проходит сквозь ткань рубашки, когда выбитые руны впиваются в тело. И когда каждый вдох дается с трудом.

...смотри, Мэйнфорд. Смотри хорошенько.

...подвал.

...запах плесени.

...и рубашка растягнута. Когда и кем? Почему он пропустил это? Неужели не властен над временем даже в собственной галлюцинации? На груди птичьими перьями рисуют знаки. И Мэйнфорд пытается приподнять голову, рассмотреть хоть что-то, но видит лишь руку в тонкой кожаной перчатке.

Эта рука держит уже не перо – нож.

Правильно. Писать ножом по коже – верней, хотя пером – проще. Но тот, кто сейчас разрисовывает тело Мэйнфорда знаками, которые прочесть способен лишь Кохэн, долго тренировался.

– Не надо сопротивляться, – говорит он голосом Тельмы. – Пожалуйста...

Мэйнфорд не готов умереть.

Не здесь, не в своем кошмаре. Он знает эту легенду – если умереть во сне, по-настоящему умереть во сне, то и наяву тебя не станет. А он должен быть.

Должен остановить того, кто держит в руках волшебную свирель.

– Не стоит, – скальпель рассекает сосок, и становится больно. Неправильно, прежние кошмары были безболезненны. – Ты все равно ничего не поймешь.

– Расскажи...

Боль была... огненной. И яркой. Она впивалась в тело Мэйнфорда древним узором, и

тело желало кричать. Плакать. Выть.

Разум уговаривал потерпеть.

...обыкновенный нож не способен причинять такую боль. Мэйнфорд знает. Его ведь резали. И проклинали. И взорвали тогда. Он почти сразу отказался от морфия, не желая туманить разум.

– Потерпи, – попросил незнакомец, вновь примеривший образ Тельмы. – Скоро все закончится.

Нет.

Пока есть боль, он, Мэйнфорд, жив. А огонь... тогда, после взрыва, он лежал, вцепившись зубами в одеяло, чтобы не орать, и все равно, когда в палате появился целитель и предложил немного успокоить боль половиной дозы, Мэйнфорд отказался.

Дурак упрямый.

– Как есть дурак, – согласился тот, который желал напоить камни. – Слепой дурак. Всегда таким был... таким и останешься...

Мэйнфорд рванулся.

Не то чтобы надеялся освободиться из цепей, те держали прочно, а магия уходила из тела вместе с кровью. Он желал разглядеть хоть что-то...

...нож.

...и лилии на рукояти, правда, они больше не на лилии похожи, а на короны... если бы альяв делал корону... почему бы не из мертвых лилий?

Двор Благой.

Двор Неблагой.

Какое им до людей дело... он запутался, окончательно запутался...

– Тише, Мэйни, – ладонь в перчатке нежно погладила щеку. – Мне и вправду не хотелось причинять тебе боль. Но мы же знаем, что нет иного выхода.

Есть!

Только сказать не получается.

И вновь рывок.

Держат цепи. Держит сам камень, которому было обещано сердце, и он не собирается упускать обещанное. Держит алый рубин, что появился на черной перчатке. Такой яркий, будто сам сотворенный из отменной артериальной крови. Он полыхает и, положенный на лоб Мэйнфорда, прилипает к нему.

Прирастает третьим глазом.

А за спиной беззвучно разворачиваются туманные крылья. И само тело перестает принадлежать Мэйнфорду. Но то существо, что жило в нем и еще живет, невзирая на изрезанную шкуру, тоже бессильно.

– Тише... Мэйни, слушай меня... слушай меня внимательно, – тварь с ножом притворяется Тельмой. И голос ее ласков, но это обман.

Все вокруг обман.

– Ты должен сам... осознать сам... ничего этого на самом деле нет...

– Нет, – соглашается сама с собою тварь и хохочет. – Вы все ошибались... мама, дед... остальные... нет проклятья... не существует и никогда не существовало... только дар... ты забрал чужое, Мэйни, и настало время вернуть.

Нож вспорол кожу.

Мэйнфорд или то, чем он стал, не видел ножа, но чувствовал его чуть ниже грудной

клетки, под диафрагмой. Правильно. Кохэн рассказывал, что так проще добраться до сердца, через живот, через диафрагму...

Мышцы тварь рассекла возвратным движением. И рану расширила второю рукой.

– Но мы все исправим.

...все исправим, Мэйнфорд, пожалуйста, слушай меня. Давай, иди на голос... представь, что это не голос... дорога... тропа... нить... давай же...

...голос отвлекал.

Надо же, и сдохнуть ему не позволено. Но пускай... крылья гаснут, а чужие пальцы пробираются в разрез. Мэйнфорд ощущает их внутри.

Еще немного.

– Надо делиться...

...надо сосредоточиться. Не на твари, не на пальцах, не на ноже, пробившем диафрагму... и скоро дойдет очередь до легких, Мэйнфорд начнет задыхаться. Но не успеет. Кохэн говорил, что сердце надо забрать у живой жертвы.

Чтобы видела она.

Чтобы понимала.

...дорога... нить... и тот голос... у него нет причин верить Тельме. Если все так, как он понял, а Мэйнфорд знает, что не ошибся, то Тельма должна его ненавидеть.

И как знать, не является ли этот кошмар ее подарком?

Почему бы и нет?

Тонкая месть.

Кто станет подозревать чтеца... а она великолепный чтец... способная... настолько способная, чтобы создать вот это...

...нельзя сомневаться. Сомнения оставляют его на камне. А пальцы чужака уже вцепились в сердце. Всего-то нужен хороший рывок.

Получится ли у него с первого раза?

Дед Кохэна, тот бы сумел... он вырезал тысячу сердец, если не больше. А этот... Джонни утверждал, что сердце не так просто вырвать, что скорее невозможно, потому что сосуды удержат его на месте. Что-то там говорил про мышечные стенки артерий, давление... хрень какая!

...сосредоточиться.

...нить.

...не серебряная. Белая. Шелковая. Такой зашивают в морге мертвецов. А он, Мэйнфорд, мертв, и давно. Только вот никто об этом не знает. Вот сюрприз-то будет! Он потянулся к этой нити, не телом, сутью, которая была больше чем тело.

Ухватился.

И закричал-таки, не способный больше выносить пытку...

...стало темно.

Но на самой грани Мэйнфорд услышал, как заскрипела древняя дверь. Неужели та, которой запирали Бездну?

Если так, то стоило бы смазать петли.

Тельма не смотрела на пустырь.

И на Мэйнфорда.

Думала... о чем, и сама после не могла вспомнить, но в какой-то момент ее мысли вдруг исчезли. Исчезло все, кроме всеобъемлющего чувства тревоги.

Тельма не помнила, как выбралась из автомобиля.

И как добежала.

И кажется, кто-то кричал, но крики тонули в птичьих исполошенных голосах. Черно-белая картинка с водой, землей и краном, с которого сняли тело-рыбину. С единственным ярким пятном.

Мэйнфорд лежал на боку, но поза эта казалась неправильной, и Тельма не сразу поняла, что именно не так. Тело изогнулось, застыв на грани разлома. Заведенные за спину руки. Вывернутая шея. Запрокинутая голова. Кохэн эту голову на коленях держал, и сидел, и покачивался, пел что-то на своем языке, которого Тельма не знала.

– Что с ним?

Кохэн покачал головой.

И петь не перестал. Его голос был тяжел, как местное небо, и звук его мешал сосредоточиться. Но то знание, доставшееся Тельме неизвестно от кого, не позволяло просто велеть масеуалле заткнуться.

Мэйни уйдет.

Если оборвется песня, Мэйни уйдет.

– Пусти, – она села в грязь, в черную и густую, словно тот кофе, который Кохэн готовил поутру.

...зачем ей это надо?

Уходит? И пускай, ему самая дорога в Бездну, пусть и существует эта Бездна исключительно в голове Мэйнфорда.

Справедливо.

Смерть за смерть... он не убивал, а та женщина, которая убила, жива. И значит, справедливость выйдет несправедливою.

Виски его были холодны и влажны. Глаза раскрыты. Зрачки сузились до размеров булавочной головки. И это плохо... отвратительно...

– Мэйни, ты меня слышишь? – она наклонилась к самым губам, от которых пахло табаком и лакрицей. – Не слышишь...

...ее ведь не учили возвращать людей.

Этому в принципе не учат, потому как слишком опасно. А чтецы – ценный ресурс, которым не стоит рисковать ради чужого безумия. И то, что Тельма прочла пару-тройку книг из закрытой секции, не дает ей права думать, будто бы она справится.

Справится.

Как иначе.

Не может же она и вправду бросить его там, где бы он ни был.

...надо вспоминать.

Проверка рефлексов.

Английская булавка, которую Тельма вытацила зубами из воротничка, возблагодарив

еще и эту дурную привычку – таскать в одежде кучу бесполезных мелочей, вроде оторванных пуговиц или таких вот булавок.

Она слегка заржавела.

И вряд ли гигиенично тыкать такой булавкой в человека, но другой нет. А эта... входит в плоть как в масло, если принять во внимание, что масло это изрядно подмерзло. Плоть же... плоть не реагировала.

...зрачки...

...у нее нет фонарика, но если повернуть голову к свету...

...ничего.

Но дыхание присутствует.

Сердце бьется и ритм хороший. Слюна... слюна стекает по подбородку, и это тоже что-то там значит. Знать бы, хорошо это или плохо... нет, скорее хорошо.

– Теперь слушай, – ей было страшно отпускать Мэйнфорда, который оставался все так же неподвижен. – Я попытаюсь его вытянуть.

Кохэн пел.

Смотрел на нее и пел, покачивался, что старая кобра... кобра и есть. Змей. И вновь видны его крылья. Надо будет как-нибудь спросить, что они означают.

– Для этого мне придется попасть в его разум... – она ткнула пальцем в лоб. – Дозваться его... напрямую... это опасно.

Кивок.

И крылья становятся четче, Кохэн вытягивает их из воздуха, сам того не замечая. Красивые...

– Есть шанс, что он вообще не вернется... и что я не вернусь... но если оставить все как есть...

...почему бы и не оставить?

Есть же целители. И наверняка уже вызвали бригаду. Отправят Мэйнфорда в госпиталь. Там и оборудование, и люди, которые точно знают, что делать в случаях психокомы. Существуют же препараты...

– Нельзя в больницу, – губы Кохэна шевельнулись. – Он оттуда не выйдет.

А для такого, как Мэйни, лучше смерть.

Только вот нужно ли Тельме рисковать? Кого ради?

Потом.

Она спросит после.

А теперь...

– Пусти, – она взяла голову Мэйнфорда.

Каменная шея. Каменные плечи. И повернуть-то с трудом выходит...

– Помоги переложить. Мне нужен контакт.

Кохэна не пришлось просить дважды.

...если у нее не получится...

А ведь шансов, что не получится, много больше, чем на успех...

Ее могут обвинить в преступном вмешательстве. Запечатать. Отправить под суд...

Не думать об этом.

Тельма провела пальцами по окаменевшему лицу. Не голем он вовсе, а человек. Может, не самый приятный, исключая постель, но все одно человек.

– Не надо сопротивляться, – попросила Тельма, зная, что не будет услышана. –

Пожалуйста...

Тело дернулось.

Изогнулось.

Забилось, будто пытаюсь вырваться из незримых пут.

– Тише, – она гладила его лоб и шею, наклонилась к самым губам, стараясь не обращать внимания на запахи табака и лакрицы... и на другие тоже.

На грязь.

Чаяк.

Крылатого Змея, чьи крылья заслонили их от толпы.

Не существовало больше этого. Вообще ничего не существовало.

...и создали боги мир из крови и плоти своей...

В его зрачках кувыркалось небо. Летело, распадалось на куски божественной плоти. А потом срасталось воедино вкривь и вкось.

...в чужих кошмарах легко заблудиться.

– Мэйнфорд...

Ее больше не услышат там, снаружи.

Там вообще не существует, есть лишь здесь, и Тельма сама не знает, в какой части мозга это «здесь» расположено. В книгах писали, что нужно найти точку выхода.

И если так, то...

...созданный из плоти богов мир был мясист и красен, и куски его, стянутые тонкой хирургической нитью, держались слабо.

Небо черное.

Как гематома.

А вместо светила – нарыв. И пусть он будет отправной точкой. Здесь у Тельмы нет власти. Почти нет. Разве что... надо действовать сообразно внутренней логике пациента.

Кто бы еще объяснил, что это значит.

...если мир из мяса и крови, то создать в нем нечто можно лишь из того же мяса.

Или крови.

Тельма усмехнулась и, оглядевшись, вцепилась в запястье зубами. Боль была вполне реальной, и значит, связь с телом еще сохранилась.

Капли сыпались, крупные, что бусины, и, попадая на плоть, прорастали.

Дерево.

Пусть будет дерево.

Неизвестно, конечно, как именно деревья вписывались в логику мира Мэйни и вписывались ли вообще, но Тельме с деревом спокойней. Вышло оно низким и разлапистым, покрытым плоскою острою листвой, больше похожей на щетину. И от корней его к Тельме протянулась нить-пуповина.

Вот так.

Теперь она не потеряется. Во всяком случае, не должна бы потеряться.

Шаг. И еще. Мир вокруг огромен и одинаков, но это – иллюзия. Ей нужно отыскать Мэйнфорда.

Как?

Сосредоточиться.

Мир сам перенесет ее к хозяину. Расслабиться. И удержаться на грани, не позволив себе раствориться в чужом разуме.

...дорога.

...тысяча дорог, но на какую бы Тельма ни свернула, та будет нужной.

...запах моря. Гул волн. Соленый ветер в лицо.

– ...Мэйни, дорогой, эта процедура совершенно безопасна, – женщина в костюме цвета топленого молока встает на пути Тельмы. – Я принесла тебе материалы. Мы найдем лучших целителей. Я уже говорила с доктором Таубишем, он готов самолично провести операцию.

– Ты всерьез думаешь, что я дам на нее разрешение?

Изнутри Мэйнфорд выглядит так же, как и снаружи, что редкость невероятная. В учебниках пишут, что созданные людьми образы себя редко соответствуют действительности. А этот... моложе.

И все такой же мрачный.

Взъерошенный.

Длинные волосы ему не идут совершенно.

– Мэйни, ты же хочешь поправиться.

Женщина тянет руку, но Мэйнфорд отступает. Пятится. Проходит сквозь Тельму.

– Не настолько, чтобы позволить кому-то копаться в моих мозгах.

Будь он в сознании, действительно не одобрил бы.

– Это всего-навсего несложная операция...

– Мама, хватит!

– Я понимаю, что это звучит пугающе! Но посмотри! Эффект великолепен! Процент успеха...

– Мама! – он кричал, но женщина в костюме цвета топленого молока не слышала крика.

– ...судороги, галлюцинации...

– Хватит!

– Мэйни, хотя бы подумай...

– О чем? О том, чтобы позволить просверлить мне дырку в черепе? – он постучал пальцем по голове. – А в эту дырку воткнуть гвоздь?

– Электрод.

– И потом шибануть током... мама... ты же не всерьез...

Дорога извернулась, вытолкнув Тельму, точно мир запоздало спохватился, что в нем она – гостья, не более того. И потому не след заглядывать в чужую память.

Гостям следует проявлять уважение.

Шаг.

И снова шаг. Голос моря рядом. И мир вздрагивает под ударами волн. Он утратил прежнюю мясистую свежесть, и все же под ногами хлюпает жижа...

– ...ты не понимаешь, Мэйни, – этот голос знаком, как и человек.

Гаррет.

Здесь он яркий, ослепляющий просто.

И свечение, исходящее от фигуры, заставляет Тельму заслоняться. Оно агрессивно. И подавляюще, и сам Мэйнфорд рядом с братом кажется размытой кляксой.

– ...если информация об этом попадет в газеты, мои рейтинги...

– Надо было раньше думать о рейтингах.

– Я понимаю, ты злишься, – свечение делается ярче, оно тянется к Мэйнфорду, обволакивая, пытаюсь проникнуть внутрь черноты. Но та лишь сгущается, свивается коконом, защищая Мэйнфорда.

Выглядит это жутковато.

...сознание использует лишь часть объективной информации, которая отражается в искаженном виде. Адекватный анализ образов требует немалой доли творческого подхода, что, однако, не позволяет с должной долей уверенности трактовать увиденное.

Учебник возник в руке Тельмы.

И исчез.

– ...но мне необходима разрядка! Ты представить себе не можешь, какое на меня оказывают давление. Сколько сил я трачу. Мне жаль, что так получилось... я ведь никого не принуждаю!

– Не хватало.

Тьма укутала Мэйнфорда с головой.

...защита.

...единственная логичная трактовка. А силу сияния Тельма на собственной шкуре ощутила.

– Я честно предупредил Тильзу, что наша связь останется тайной. Я должен думать о своей репутации. Но теперь она заявляет... требует, чтобы я признал этого ребенка... чтобы показался в храме... ты же понимаешь, это совершенно невозможно.

Ребенок?

Тильза?

Кто она такая?

Имя незнакомо, но...

– И чего ты хочешь от меня? – сухо поинтересовался Мэйнфорд. Тьма колыхалась. Тьма не желала иметь ничего общего со светом.

– Поговори с ней. Объясни. Я пытался, но она... она словно обезумела! Она не желает и слышать о том, чтобы сделать операцию...

– Аборты незаконны.

– Прекрати, Мэйни! Не говори мне об этой ерунде. Женщина должна иметь право выбора!

– Она и выбрала. Чем ты недоволен?

– Мэйни! – свет вспыхивает ярко, заставляя Тельму отшатнуться. – Я пришел к тебе не затем, чтобы ты меня осуждал. Да, я понимаю, что следовало предохраняться. Да я был уверен, что она носит амулет! И не смотри на меня так... они совершенно безвредны.

Мэйнфорд хмыкнул.

– И не в этом дело, – Гаррет нервно расхаживал, и свет расползлся под его ногами. – Была договоренность. Я платил за квартиру. Я давал ей денег, но ей всегда было мало. Она поняла, что я собираюсь...

Он щелкнул пальцами.

– ...и решила сыграть на беременности. У меня, видите ли, нет детей, а она подарит мне сына. Предложи ей денег.

– От меня, думаешь, возьмет?

– Припугни. Скажи, что посадишь, если она...

– Я не собираюсь пугать беременную женщину, – тьма колыхнулась, будто желая обнять Гаррета. – Ребенок твой?

– Вероятнее всего.

– Ты должен о нем позаботиться...

...и мир вновь кувыркнулся. Сжался, сдавил Тельму и, когда она почти распалась на части, выплюнул.

Полет.

Осколки чужой памяти.

Люди, которых Тельма не знает. Лица. Слова, овеянные музыкой. Обрывки этой самой музыки, всегда тревожной. Краски, расплескавшиеся по ее рукам, чтобы превратиться в кровь.

И тишина.

Замок на вершине скалы, которая зубом выступает из моря. Она, Тельма, птица, и воздух под крыльями ее тяжел. Этот воздух держит непривычное птичье тело, которое совершенно в каждой линии своей. Он ласкает перья и приносит ей горсти соленых брызг.

Ветер воет. И море плачет от боли.

Тельма слышит его голос.

Тельма понимает его, такое многоликое, древнее и могучее, но все одно беззащитное. Это море хотело бы подняться по камням, оно и пытается, цепляясь за мелкие трещины петлями водорослей. Но замок слишком высоко.

Не для Тельмы.

Она видит черный квадрат.

Две круглых башни, затянутых каменным плющом. И стены с кривоватыми зубцами. Они выдерживали не одну осаду, и выдержат еще, если, конечно, враг полезет через скалы.

Он слишком умен.

Хитер.

И ветер подталкивает Тельму ниже. Ко двору, к кривоватому древнему дереву, корни которого проросли сквозь кладку. К донжону, приземистому и подслеповатому, каковым ему и надлежит быть.

Донжон похож на Мэйнфорда.

Все это место похоже на Мэйнфорда.

И кажется, Тельма знает теперь его секрет.

Она складывает крылья и становится человеком, только на руках еще остается мягчайший покров совиных перьев. Это не страшно.

Хорошо даже.

Совы – замечательные охотники. И в темноте видят неплохо. А нет темноты более плотной, нежели та, что обретается в чужой душе.

Или это все-таки разум?

Неважно.

Провал.

И лестница. Винтовая, что логично для замка. Факелов нет, но Тельма видит ступени. Идет. Ниже и ниже... а пуповина связи истончается, и наверное, она забралась слишком глубоко, еще немного, и у самой не хватит крови, чтобы выбраться.

Надо отступить.

Бросить.

И так Тельма сделала больше, чем могла бы.

Совесь ее будет чиста, а если нет, то со временем очистится.

Не жалей врага своего.

Не щади.

Ее ведь этому научили в приюте, в первый же день, когда она еще не понимала, что для всех волчат является именно врагом. Почему? А потому, что каждый из них шкурой чуял, что прежняя Тельмина жизнь была иной, отличной от их собственной.

Пуповина дрожит.

Ступеньки становятся выше. Круче. И если Тельма сорвется, она попросту ухнет в бездну. Впрочем, совы, кажется, умеют летать... и хорошо бы Кохэн догадался поставить кого-нибудь на подкачку.

Или...

Мысль была безумна, как само это место. И если бы не прежний опыт, Тельма в жизни не решилась бы. Но сейчас выбор ее был невелик.

Она присела у стены. И провела по камню когтями.

Совы – охотники.

А у охотников есть когти. Логика безумия. И главное, что, похоже, это безумие соответствует нынешнему Мэйнфорда состоянию, потому что камень поддался и из царапин пошла кровь. На вкус она была словно сок гранатовый. Очередной выверт сознания?

Или и вправду?

Главное, что сила этой крови наполняла Тельму.

И пуповину.

И значит, приняла... хорошо. Ниже. Глубже. И быстрее. Чем дальше Мэйнфорд находится в плену своих кошмаров, тем меньше шансов на успех.

– Отведи меня к нему, – Тельма ударила по стене, и замок загудел. А перед нею появилась дверь. Замечательно. Похоже подсознание Мэйнфорда ее все-таки приняло.

Дверь не открылась – истончилась.

За нею обнаружился зал.

Шестигранник, каждый угол которого охраняло звероликое божество. И все они, каменные статуи, которым не полагалось и капли жизни, ожили, повернулись в сторону Тельмы.

– Я пришла за ним, – сказала она.

Мэйнфорд был здесь.

Не тот, прошлый, существовавший в памяти своей, но настоящий. Он лежал на очередном камне, огромном, что обеденный стол, прикрученный к этому столу.

Распятый.

Тельма видела вывернутые руки, стянутые под столом цепью. И ноги, которые держало в пасти гранитное чудовище. Запрокинутую голову, что свешивалась с края стола.

Боги смотрели.

Они не пытались остановить Тельму.

Отдадут? Уступят? Или, подразнив, закроют это место?

– Я пришла за ним, – Тельма сделала шаг.

И замок качнулся.

– Он уйдет со мной.

Еще один шаг.

Зал выглядит небольшим, но расстояния здесь обманчивы, да и время течет иначе. Сколько прошло там, снаружи? Часы? Дни?

Крылатый змей расправил обсидиановые крылья. Он очень похож на Кохэна, только слеп. Из пасти его волнами спадает каменный язык, а глаза тускло мерцают.

Змей первым встал на ее пути.

– Я не знаю, существуешь ли ты на самом деле... – Тельма протянула руки, все еще покрытые перьями, – или же являешься очередной визуализацией...

Смешно звучит.

– Ты страж его. Но я не желаю ему вреда.

Змей клокочет.

Смеется.

– Я пришла забрать его. Без меня он не справится.

Мэйнфорд на столе рванулся, пытаясь одолеть цепи.

– Не знаю, что именно его спеленало... и если вы, то отпустите... если ты и вправду бог... – Тельма запнулась, не представляя, как именно надлежит говорить с богами. – Ты заперт. Ты не можешь уйти отсюда, в этом дело? Но ты хочешь вырваться?

Она коснулась крыльев, чьи грани были остры, словно ножи.

– Но ты способен дотянуться до него, так? Почему он? Там, снаружи, есть твой потомок. Тот, кровь которого позволяет слышать вас. Он похож на тебя. У него тоже есть крылья. Я видела сама...

Змей уступил место созданию, которое, верно, когда-то было женщиной. Тельме так подумалось, хотя от женского в квадратной коренастой этой фигуре, созданной из сердолика, были лишь груди. Из них сочилось молоко.

И богиня, набрав горсть его, поднесла Тельме.

– Я не знаю, что это, но... если ты тоже бог, то спасибо, – она преклонила колени, не из страха, но из осознания, что так – правильно.

Только так правильно.

И когда на голову легла когтистая лапа очередного существа, зажмурилась.

Она ощутила легкую боль – когти разрезали кожу на лбу.

Холодные губы прильнули к ране.

...но ей позволено было приблизиться.

– Мэйни...

То, что лежало на столе, не было в полной мере человеком. Теперь Тельма видела его, своего Зверя, такого сильного и в то же время беспомощного.

Крылья.

Чешуя.

Когти.

И неуловимое сходство с каждым из шестерых Стражей.

– Мэйнфорд, пожалуйста...

Она не знала, что делать дальше. В учебниках говорилось, что ключ всегда индивидуален.

Ключа не было.

И замка не было. Цепи уходили в пол. А Мэйнфорд метался, рычал, и на груди его сами собой возникали кровавые руны.

– Тише... Мэйни, слушай меня... слушай меня внимательно, – она закрывала руны руками, пыталась стереть, но лишь пачкалась в его крови, которая сила, а на вкус – сок гранатовый. И Тельма, сама уже не вполне человек, слизывала эту кровь тонким раздвоенным языком. – Ты должен сам... осознать сам... ничего этого на самом деле нет...

Он замирает ненадолго.

Слышит ли?

В желтых глазах, в клинках зрачков нет ее отражения женщины-птицы.

Ночной охотницы.

– Ты можешь быть свободен.

Мэйнфорд дышит.

И затихает.

А по животу его расползается красная трещина новой раны.

– Вот, – Тельма перехватывает тонкий жгут пуповины, сует в руки. – Пожалуйста, ты должен сосредоточиться... выход есть, если сам захочешь.

Пальцы его стискивают пуповину.

Давят.

И больно, до того больно, что Тельма, кажется, кричит, а на этот крик грудина Мэйнфорда распаивается, обнажая живое сердце в серой осклизлой сумке перикарда.

– Мэйни, пожалуйста, – она, не зная, что еще делать, наклонилась к самому его лицу, – ты должен... ты нужен там...

Сердце, сжавшись в последний раз, замирает.

И перестает быть сердцем.

Дерево.

Обрывки корней-вен. Аорта, которая поднимается выше, выпуская одну за другой ветви-артерии. Россыпь артериол.

Вязь капиллярной сети.

Почти красиво.

Завораживающе.

И в этой кровавой вязи скрыты не имена – образы. У Тельмы почти получается их понять.

Почти...

Судорожное движение Зверя раздирает пуповину, и кровь смешивается, а смешавшись, разбивает шестигранный зал морскою волной. Последнее, что Тельма помнит, – кисло-сладкий терпкий вкус гранатового сока...

...она первой открыла глаза.

И увидела серое небо в черной россыпи птиц. Землю.

Мэйнфорда.

Он лежал.

Дышал. И кажется, судорога отпустила тело. Получилось? Или... лучше не думать о плохом. Пальцы соскользнули с холодного мокрого лба.

Прижались к шее.

Пuls был. И сердце билось, то самое, проросшее многими именами. И это тоже что-то значило, возможно, Мэйнфорд поймет, если ему рассказать. Но надо ли рассказывать? Он ведь не любит, когда кто-то копается в его мозгах. А Тельме пришлось.

Кто такая Тильза?

И что стало с ней и ее ребенком?

Веки Мэйнфорда дрогнули.

Живой.

Все-таки живой... и это хорошо. Тельма ведь не смерти ищет, а справедливости. Она бы улыбнулась, если бы оставались силы улыбаться. Но и сидеть-то получалось с трудом. А еще

голову его удерживать, потому что иначе он захлебнется в местной грязи.

– Я... – Мэйнфорд говорил шепотом, и Тельме пришлось наклониться, чтобы расслышать его. – Я знаю... кто ты... есть.

– Это что-то меняет?

Не страх.

Скорее разочарование и легкая обида.

– Не знаю пока...

Глава 6

Мэйнфорд чувствовал себя опустошенным.

Он осознавал, что происходит, но при этом все оставалось как бы вонне. Бледный Кохэн, чьи лиловые губы выдавали, что сам с трудом на ногах держится.

Но все-таки держится.

Встает.

Грязь стекает с него ручьями, а Кохэн и не пытается как-то отряхнуться. Он машет руками. Отдает короткие команды. И люди, застывшие было на краю поля, срываются в движение.

На самом деле это только кажется, что они срываются.

Там время идет иначе.

Теперь Мэйнфорд точно знает это. Ему хочется потрогать грудь, убедиться, что сердце в ней еще живо, а руны остались в прошлом. Но сил не хватает и на то, чтобы руку поднять. Он бы лежал вечность, разглядывая собственное искореженное отражение в глазах женщины, которой было за что его ненавидеть.

Подняли обоих.

Повели.

И Мэйнфорд послушно перебирал ногами.

Он почти повис на плечах двоих констеблей, стараясь не думать о том, как это выглядит со стороны.

Слухи пойдут. И в газетах напишут, что он, Мэйнфорд, болен. Матушка непременно ухватится за происшествие. И начальник Мэйнфорда в кои-то веки пойдет ей навстречу. Отправит к целителям, если вовсе не в отпуск.

Нельзя.

Не сейчас.

Он должен обдумать, что произошло. Если это не сумасшествие... если это не только сумасшествие...

Тельма шла сама, обняв себя. Высокая. Худая.

Грязная.

Уязвимая.

И если бы она действительно ненавидела, неужели рискнула бы? А Мэйнфорд до конца и не понял, что именно она сделала, но точно знает – без нее не вырвался бы... спросит... и не только об этом.

Прошлое вернулось.

Права была предсказательница.

Прошлое постучало в дверь. Пинком открыло. И Мэйнфорду предстоит решить, что именно сделать с этим мокрым прошлым.

В машине – а их обоих впахнули в одну – он дотянулся до ледяной руки Тельмы.

– Сядь. Рядом. Пожалуйста, – тяжело быть вежливым, когда почти отключаешься, но она не стала спорить, пересела и позволила себя обнять. Ее близость успокаивала, словно само присутствие Тельмы отгоняло кошмары, а ведь вернутся...

...о них Мэйнфорд тоже подумает потом.

А вот плед, пропахший топливом, затасканный до дыр, был своевременен. Тельма

позволила завернуть себя в этот плед, и только бледная макушка торчала из свертка.

Пускай.

– Вези ко мне, – он говорит это шоферу, но Кохэн, до того молчавший, подает голос.

– Тебе в госпиталь надо.

– Пламенеющего сердца?

– Почему бы и нет? Повод стоящий и... Мэйнфорд, ты ведь понимаешь, что...

Не понимает.

Не желает ни понимать, ни принимать, хотя придется. И он найдет в себе силы, только не сейчас.

– Домой. Пожалуйста.

– А целитель...

– Джонни позови... ему же нравится в мозгах копать, вот пусть и глянет. Других пришибу не глядя.

И это предупреждение Кохэн принимает всерьез. Правильно.

Других нельзя подпускать.

Другие всенепременно обнаружат какое-нибудь отклонение от нормы, начнут настаивать на госпитализации, на исследованиях... на том, чтобы Мэйнфорд перебрался в лабораторию, а лучше и вовсе в ней обжился, предоставив и отклонения, и патологии, и потроха свои в полное распоряжение науки.

Нет.

– Если о себе не думаешь, то хотя бы... – Кохэн выразительно замолчал.

– Я в порядке.

Глухой голос и далекий. А сама она близко, и рука, которая вцепилась в руку Мэйнфорда, лучшее тому доказательство.

– Она в порядке. Но пусть Джонни глянет и... еды какой-нибудь... скажи, пусть привезут... и сам ты как?

– Жив.

Скупо.

Сухо. Злится? Мэйнфорд ведь не виноват.

– Он устал. Змеям летать неудобно, – произнесла Тельма. – А крылья у него красивые...

– Змей?

Наверное, водителю, если он слышит разговор, тот кажется напрочь лишенным смысла.

– У него крылья сделаны из воздуха. Красивые. Но тяжелые.

– Очень, – Кохэн запрокинул голову. – Боги меня не слышат...

– Тебе лишь кажется, что не слышат. Они заперты...

И Тельма закрыла глаза. Она разом вдруг обмякла, покачнулась и упала бы, если бы Мэйнфорд ее не обнял. Пока она еще позволяет ему прикасаться... странно, что позволяет.

– Вы могли там оба... Мэйнфорд, это перестало быть игрой. В следующий раз... – Кохэн не договорил. Правильно, из слов ткутся нити судьбы, и ни к чему давать им пряжу.

– Следующего раза не будет.

Громкое заявление.

И Мэйнфорду самому хотелось бы себе верить. Он же лишь покрепче сжал Тельму и прикрыл глаза. Спать нельзя, но ощущение мерзкое, будто под веки стекла сыпанули.

Больше до дома он не произнес ни слова.

...Тельма и Элиза Деррингер.

...сердце, которое едва не вырезали...

...существо, знавшее о Мэйнфорде и подвале, о жертвенном камне... руны... руны существовали, теперь, когда тело несколько отошло, Мэйнфорд чувствовал их на груди. Кровили, но не сильно, под грязным пиджаком не заметно. А там уж док поможет. Порезы не представляют опасности.

Док ждал.

Он был молчалив и собран, и походил на себя прежнего, что было неправильно в корне. Черный костюм. Белая рубашка. Саквояж в руках. Перчатки из тонкой кожи швом наружу. Взгляд зацепился за эти швы, и Мэйнфорда вырвало.

– Все... нормально, – он вытер рот ладонью.

– Вижу, – это сказал не Кохэн, а Джонни. И качнулся, подставил плечо. – Вам бы в госпиталь, по-хорошему...

Ничего там хорошего нет.

Разве что повод.

Теодор и еще Теодор... что за блажь использовать одно имя? Сами-то они как не пугаются? Или привыкли... надо будет заглянуть... в частном, так сказать, порядке, раз уж причина имеется. И Тельму с собой прихватить. Она не позволит причинить Мэйнфорду зло.

Наверное, не позволит.

Он на ходу принялся сдирать грязную одежду.

– Не спешите. Проблемы с мелкой моторикой – это естественно. Вам все же придется сделать полную магографию головного мозга. Я настаиваю.

– Иди в жопу.

– Мы все уже там, – философски заметил Джонни. Он свой пиджачок повесил на спинку стула, провел по плечикам, разглаживая мелкие складки. – И в этом вся беда... сколько пальцев видите?

– Два.

На хрен пальцы.

Холодно-то как...

– Озноб – тоже естественен... нарушение терморегуляции...

– Я промок. И замерз.

Тельма вошла сама, по-прежнему она куталась в одеяло, но сам факт ее присутствия успокаивал.

– Сесть можете? Голова кружится? Тошнит?

– Разве что от твоих идиотских вопросов...

Нельзя грубить тому, кто пытается помочь, но Мэйнфорд ненавидел такие вот моменты. И помощь принимать не умел, не хотел даже учиться.

Он все же сел.

И кое-как стянул пиджак. Избавился от ботинок. И сдержался, когда Джонни, встав на колени, принялся стягивать мокрые носки.

– Успокойтесь, – сам док был спокоен и равнодушен даже. – Все мы ходим под богами...

Тельма вдруг рассмеялась хриловатым смехом.

– И-извините, – она вытерла глаза, точнее размазала по лицу грязь. – Я... если не нужна, мне бы помыться. Можно?

– Ванная там, – Мэйнфорд и сам с удовольствием забрался бы под душ. – Найди себе что-нибудь...

Она останется.

Если решила лезть в ванну, то останется. И когда все отсюда уйдут – наступит же сей чудесный момент когда-нибудь, – Мэйнфорд с ней поговорит. Обо всем, что было на поле и раньше.

Прошное вломилось в запертую дверь.

Или эта дверь никогда не была заперта?

– А теперь, пожалуйста, сосредоточьтесь, – попросил Джонни.

– Полотенце подай... Кохэн...

– Я велел ему домой отправляться. Ему тоже отдых нужен. И вам. Никому не станет легче, если вы доведете себя до срыва. А между прочим, он близок... вы вообще понимаете, что произошло?

В руках Джонни появилась тонкая светящаяся палочка.

– Смотрите сюда... теперь влево... вправо... плывет?

– Плывет.

– Закройте глаза и откройте... а теперь? Что видите?

– Ничего.

Это плохо? Хорошо? В Бездну целителей!

Палочка исчезла, сменившись прохладной трубкой, которую Джонни попытался засунуть в нос.

– Сидите смирно! В конце концов, я вам одолжение сделал. Вас следовало немедленно госпитализировать и...

Трубка воняла аптекой, и вообще Мэйнфорд от души ненавидел все, так или иначе связанное с медициной. А Джонни что-то дергал.

Замерял.

Щелкал пальцами.

И руки отряхивал, вот только Мэйнфорд не видел и тени силовых потоков. Осознание этого обескуражило. Он сосредоточился, пытаясь уловить хоть что-то.

Снаружи.

Или внутри...

Пустота.

– Сидите! – рявкнул Джонни. А прежде он обращался с начальством вежливо, даже чересчур уж вежливо. Надо же, набрался смелости. – Это бывает... при приступах бывает... пройдет. Я так надеюсь. И повторюсь, завтра же вам надо сделать магограмму... развернутую... лучше, если трехмерный слепок, но его лишь в одном месте делают, и, насколько знаю, очередь расписана на месяцы...

– Где?

Ответ был очевиден. И Мэйнфорд с трудом удержался, чтобы не расхохотаться:

– В госпитале Пламенеющего сердца. И в этом нет ничего веселого. Я сталкивался с приступами... редко... причина может быть различной, от банального эпилептического припадка, вследствие которого нарушалась работа тонких каналов, до опухолей. И чем раньше будет поставлен диагноз, тем больше шансов, что вы...

– Я здоров.

– Вам лишь так кажется, – он убрал трубку из носа. – Пока я оставлю вам успокоительное...

– Нет.

– Да. Послушайте, я понимаю, что вы настроены резко отрицательно, но... – Джонни убрал трубку в саквояж, туда же отправились фонарик и плотные листы магочувствительного картона. – Поймите, это все... сегодня вам повезло. Там оказалась чтица, которая рискнула нырнуть следом. Вытащила... сознание вытащила, и это наименее травмирующий для организма путь, но... вы понимаете, что она не будет ходить за вами всюду. И в следующий раз... что вы станете делать?

Ничего.

Скорее всего сдохнет там, в подвале, на жертвенном камне. Или еще в каком-нибудь кошмаре, рожденном собственным Мэйнфорда воображением.

– Вас доставят в госпиталь. Если успеют довести. Стабилизируют. А дальше – либо ожидание, либо хирургическое вмешательство. Кто ваш поверенный?

– Что?

– Это ведь с вами не в первый раз, верно? – Джонни смотрел прямо, и Мэйнфорду приходилось держать взгляд, хотя сейчас вдруг стало стыдно. И вправду, ведет себя как мальчишка, сломавший руку и пытающийся убедить себя же, что перелом этот – сущий пустяк. Само заживет.

Не заживет.

Не восстановится.

– Если не приступы, то... думаете, я не замечал, что вы постоянно принимаете таблетки? Морфин? Опиаты?

– Альзора, – за Мэйнфорда ответил Кохэн. И значит, домой он не поехал, чего и следовало ожидать. На редкость упрямая он скотина, прямо как Мэйнфорд. – Это... трава такая... не наркотик. Ее жевал мой дед, чтобы не сойти с ума. Никто, даже избранный, не способен постоянно слушать их голоса.

Кохэн коснулся виска.

– Альзора... альзора... – Джонни нахмурился. – А если по латыни...

– У вас ее называют полуночницей.

– Это же яд!

Надо же, сколько интересного всплывает. И похоже, Кохэн знал, что травка его ядовита.

– В малых дозах она помогает. Расслабляет. Избавляет от кошмаров. Снижает чувствительность...

– И как давно он...

– Лет семь, – это Мэйнфорд сам сказал. – Но в последние дни я ее не принимал. Думал, вдруг да услышу чего-нибудь полезное.

– Ненормальные! – это Джонни произнес с искренним восхищением.

– Кто бы говорил... – Кохэн присел. – Как ты?

– Живой пока... и, док, травка не вредила. Не так мне вредила, как ваши снадобья. Вот от них я гораздо раньше бы в Тихой пристани оказался.

Джонни лишь головой покачал.

– А дозы?

– Я тебе все напишу, – Кохэн потер переносицу. – Она сказала, что видела мои крылья... это неправильно... невозможно... я отрекся от богов, когда ушел из Атцлана...

Он раскачивался и выглядел несчастным, почти таким же несчастным, как много лет назад, в день их первой встречи. Правда, в нынешнем Кохэне мало что осталось от диковатого подростка, который не понимал, во что вляпался.

– ...а она говорит, что у меня есть крылья... думаешь, привиделось?

– Не знаю.

Мэйнфорд взялся за рубашку. Он сосредоточился, но все одно пуговицы поддавались с трудом. Мелкая моторика, чтоб ее...

– Я помогу...

– Нет, – он остановил благой порыв Джонни. – Я сам... ты ж сам сказал, временное... значит, пройдет.

Джонни отвел взгляд.

Понятно. Нет ничего более постоянного, нежели временное. И быть может, Мэйнфорду до конца дней своих предстоит носить рубашки с деревянными пуговицами, а заодно уж стоит прикупить специальную посуду... ложки там, вилки... миски-непроливайки.

Лучше сдохнуть.

Пуговица за пуговицей.

И молчаливое ожидание. Не торопят, не задают вопросов.

– Вот, – Мэйнфорд стянул грязную рубашку через голову. – Док, а док, если я безумен, то откуда взялось это?

Кровь успела засохнуть, но порезы, вопреки логике, не затянулись. Тонкий узор рун начинался под левой ключицей, спускался ниже, делал виток вокруг сердца, захватывая его в петлю, и змеей переползал на живот, и уже там разворачивался древом.

– Это... – Джонни выглядел ошарашенным. – Это...

Он протянул руку, но спохватился, видать, что тыкать пальцем в пациента – несколько невежливо. И из глубин черного кофра появилась упаковка стерильной ваты и спирт.

– Будет жечь, – любезно предупредил док, щедро поливая кусок ваты спиртом. – Интересно...

Кохэн молчал.

Уставился на руны и молчал. Только губы шевелились. Мэйнфорд перехватил взгляд, но масеуалле лишь головой качнул. Ясно, при Джонни не заговорит. Не то чтобы не доверяет доку, доверяет настолько, насколько можно верить человеку, рядом с которым работаешь, но просто некоторые вещи не предназначены для посторонних ушей.

Ничего.

Док уйдет.

– Прежде я только слышал о подобном... – док стирал засохшую кровь, открывая руну за руну. – Наш разум управляет телом, а не наоборот... нет, есть теории, которые утверждают обратное, но я не сторонник пустого популизма. Разум – тончайший механизм. Вершина эволюции!

Ватки док складывал в фарфоровую вазу для печенья. Откуда она появилась? Джесс приволокла в попытке облагородить жилище брата? Или эта ваза всегда здесь была, скрывалась где-нибудь в кухонных шкафчиках, куда Мэйнфорд так и не удосужился заглянуть.

Главное, печенья в ней не было. А вату... надо же ее куда-нибудь девать.

– И сила убеждения...

– То есть хочешь сказать, – Мэйнфорд отобрал вату и понюхал. Выпить бы стоило, но вряд ли в его нынешнем состоянии выпивка была хорошей идеей. – Что это я сам себя?

– Сила иллюзий, созданных разумом, была столь велика, что тело отреагировало на нее должным образом...

Кохэн отвернулся.

Нет уж, не все так просто, хотя в исполнении дока и выглядит логичным. Мэйнфорд сам себя изрезал. Силой мысли, чтоб ее... и надо полагать, если бы сердце его вытащили из груди, это тоже случилось бы исключительно путем самоубеждения.

Хрень какая.

Не зря Мэйнфорд целителей недолюбливает. Даже лучшие из них чушь несут.

– И я настаиваю...

– Звони.

– Что? – Джонни выронил кусок ваты.

– Звони. Езжай. Не знаю. Делай что хочешь, но запиши меня на завтра... что до поверенного, – а эта мысль показалась на редкость удачной. – Что нужно?

– Ничего. Ваше волеизъявление, заверенное нотариально...

...это хорошо.

Нотариально.

Мэйнфорд знает, к кому обратиться. Давно пора было сделать, а то ведь... до утра он дотянет. Должен дотянуть.

– Запиши на этот свой... и иди... а мы тут сами дальше...

– Вам не следует принимать непроверенные препараты!

– Не буду, – пообещал Мэйнфорд.

– И стоит отдохнуть... успокоительное...

– Джонни...

– Что?

– Убирайся. И обратись к тому красавчику... он же у нас спец... вот пусть мозги мои завтра и посветит.

Джонни поджал губы.

– А ты поприсутствуешь... скажем, как мой представитель... и Тельма... она тоже присутствует...

...если согласится.

О предстоящем разговоре и думать не хотелось, но не думать было невозможно.

– ...и ты... – Мэйнфорд поморщился – голова разнылась, никак от дурных мыслей. – Ты постарайся сделать так... так... чтобы этот рафинированный стервец вышел из себя.

К счастью, Джонни не стал задавать лишних вопросов.

Молодец.

И если повезет...

– Пожалуй... – он отправил последний клочок ваты в вазу и пальцы вытер платочком. – Пожалуй, если я усомнюсь в его компетентности... к счастью, магография оставляет большой простор для... диспутов...

Вот и чудесно.

Завтрашний день обещал быть радостен и наполнен эмоциями. Двое целителей станут дискутировать по поводу того, что творится в мозгах Мэйнфорда, а чтица, которой он, если разобраться, доверять не должен, но альтернативы не имеет, с его же подачи попытается совершить совершенно противозаконный слив информации.

...в любом случае, это лучше, чем снова умирать.

Мэйнфорд прижал руку к сердцу. Надо же, бьется. И не скажешь, что неживое.

В ванне Тельма спряталась.

Эта ванна замечательно подходила для того, чтобы в ней скрываться. Глубокая. Теплая. И темная. Из пары светильников работал лишь один, да и тот мигал.

Пахло... мужчиной.

Туалетной водой. Мылом.

Потом.

Собственным Мэйнфорда запахом, слишком резким, чтобы его игнорировать.

Она включила воду.

Стянула чулки... мокрые и грязные. Белье не лучше... и надо бы вызвать такси. Уйти. Никто не остановит, в этом Тельма была уверена. А дома она уже переоденется в чистое и, так и быть, отжалееет четвертак на газовую колонку. У нее ведь тоже ванна имеется. И горячая вода.

А если приступ повторится?

Если в следующий раз ее не окажется рядом? И никого не окажется рядом?

Что с того?

Неужели она будет переживать о человеке, который... который ей обязан. И Мэйнфорд не из тех, кто забывает долги. Именно. В этом все дело. В планах ее, где Мэйнфорду найдется место...

Тельма вдохнула и с головой нырнула в теплую мутноватую воду.

Нет ничего глупее, чем врать самой себе.

Мэйнфорд сказал, что знает, кто она. И значит, выставит. Из дома. Из Управления. Только вопрос: сразу или же прежде попытается купить?

Сквозь толщу воды потолок казался серым, размытым. И внизу, на дне, было на удивление спокойно. Тельма лежала бы вечно, но кислород закончился, а воздух, показавшийся отвратительно холодным, вернул к реальности.

В ванне не спрячешься. И разговор неприятный, сколько его ни откладывай, состоится. Так к чему тянуть? Она вымылась мылом, которое терпко пахло сандалом. Вытерлась полотенцем, выбрав из пятерки то, которым явно пользовались. Ей и самой было странно это почти животное желание пропитаться чужим запахом. В шкафу обнаружилась и рубашка, свежая, пусть и мятая.

Белье...

Обойдется.

Халат Мэйнфорда, упоительно пахнувший его туалетной водой, оказался не просто велик – Тельма в нем утонула. Но халат был мягким, а альтернатива отсутствовала.

Вот и все.

Дальше прятаться нет смысла.

Она вышла из ванной, втайне опасаясь встречи один на один, но, увидев Кохэна, вздохнула с облегчением. Сколь бы близок он ни был, Мэйнфорд не станет втягивать в спор и его.

– Как ты? – Кохэн выглядел бледным.

– Жива.

– Есть хочешь? Спать?

– Всего хочу.

– Сядь куда-нибудь, – Мэйнфорд старательно смотрел мимо Тельмы. – Пол холодный.

Забота эта ничего не значит. А пол нормальный, в приюте было хуже, особенно в том, в первом, где Тельма еще цеплялась за глупую надежду... отослали по ошибке... вспомнят... заберут...

Вернут домой.

Нет больше дома. А холодные полы... к ним, как и ко многому, привыкаешь.

Она забралась в кресло, сбросив на пол стопку журналов. Спрятала руки в подмышки. Отвела взгляд. Отвела бы...

– Док говорит, что это я сам, – Мэйнфорд поежился. Он выглядел растерянным и несчастным, и это совершенно не увязывалось с прежним каменным его обликом. – Только я ничего не понимаю в этих письменах. Если бы я сам, я бы должен был бы понимать?

– Не обязательно.

Здесь ему не было больно, Тельма ощутила бы эхо боли. Надо было еще что-то сказать, умное или успокаивающее, но ничего такого в голову не приходило.

– Подсознание хранит много всего. Если ты когда-нибудь видел подобное... тот подвал, он существует?

– Существует, – не стал отрицать Мэйнфорд и потер руки. Уставился на них с удивлением. Потрогал запястья. – И камень существует. И цепи на нем. Мне уже однажды приходилось лежать на этом камне.

Тельме ни к чему знать подробности его прошлой жизни. Чем больше знаешь, тем ближе становишься, а она и так подпустила его чересчур близко.

– Дед принес меня в жертву, – Мэйнфорд гладил запястье. – Тогда остался след от кандалов, хотя я и не вырывался. Я сам лег на камень, потому что это было...

– Правильно? – подсказал Кохэн.

– Да, пожалуй. А сейчас следов нет. Я ведь и кандалы ощущал вполне реально. И если дело в том, что тело просто воплощает мой бред, – он коснулся висков, – то почему избирательно? Только не говори мне, что разум – это слишком сложный инструмент и наука пока его не постигла.

Это он произнес ворчливо, и почему-то Тельма улыбнулась.

– Не буду.

– На алтаре есть письмо. Обрывки... вот эта часть, – Мэйнфорд чиркнул пальцем по груди, рассекая рисунок пополам. – И да, я мог ее запомнить. Но вторая...

– Вторая половина осталась в Атцлане. Ты там не бывал, – Кохэн сел-таки на пол. – Ведь не бывал?

– Нет.

– Книги? – предположила Тельма. – Зарисовки. Дневники. Снимки. Любая случайная картинка, которую твой разум мог запечатлеть.

Она искала рациональное объяснение, и не только для себя. Ему тоже нужно. Он не готов поверить в богов, пусть даже боги отозвались на его крик.

– Наверное, – Мэйнфорд готов ухватиться за это объяснение, правда, он тоже не привык лгать себе, поэтому качает головой. – Возможно... только... что здесь написано?

– И породило небо троих сыновей: старшего назвали Тлаклауке. Он был красным от небесной крови. Родился второй сын, которого назвали Йайанке, он был самый большой, у него было больше власти и силы, чем у других. Он родился чёрным.

Кохэн читал, раскачиваясь, и голос его наполнял комнату.

Слушать было тяжело.

– Третьего называли Кетцалькоатль, образом он был подобен змею, но возжелавши летать, слепил себе крылья из глины...

Тельма слушала, но почему-то слова проходили мимо.

– ...и тогда Тлаклауке стал солнцем и подчинил себе мир, а также всех людей, которые в нем обитали. Кетцалькоатль воспротивился его власти. Сразились братья. Тлаклауке ударил его дубиной, и Кетцалькоатль упал в воду, где и обратился в ягуара. Он вышел на берег и стал убивать гигантов, пока не убил всех. Так закончился мир первого солнца...

– Что это? – спросила Тельма шепотом.

– История, – так же шепотом ответил Мэйнфорд.

А Кохэн продолжил:

– И стал Крылатый Змей солнцем. И был тринадцать раз по пятьдесят два года. Тогда Йайанке превратился в ягуара и так ударил лапой Кетцалькоатля, что тот свалился и перестал быть богом. И случилась гибель второго мира.

Она слушала про огненный дождь, который уничтожил второй мир. И про людей, обратившихся в индюков. Про великую воду. Слушала и не понимала – зачем?

Это должно иметь значение, но...

– ...пятый мир – мир идущего солнца, которое проглотит Бездна. И тогда случится так, что наступят тьма и холод. И все, кому случится жить, погибнут.

Кохэн замолчал.

И тишина длилась и длилась, пока Мэйнфорд, покачнувшись, не сказал:

– Оптимистичненько...

Кохэн поднялся.

– Пятый мир погиб. Так говорил дед. Когда к берегам Земли Цапель пришли корабли. Тот, кто вел их, был смуглокож и черноволос. Облачен в золото. Он восседал на спине диковинного зверя, чья шкура была прочней железа. И за спиной его вздымались крылья. Тогда и решили, будто благословен он богом, а может и сам богом является.

Прошое.

Забытое. Похороненное надежней, чем все мелкие секреты Тельмы. Но оно ожило, там, в кошмаре. И если так, значит, это прошое собиралось воскреснуть?

– Пятый мир умирал, когда ваши боги шли по землям масеуалле. Когда вода в Священном озере сперва покраснела от крови, потом сделалась черной, что деготь. И многие погибли, испив ее. Когда на берег древнего Атцлана шагнула нагая старуха, чье тело было покрыто струпьями. И прошла она по улицам...

– Кохэн...

...он не слышал.

...он был там, на берегу... и застывший взгляд его, устремленный в стену, вовсе не стену видел, не грязные обои и не полки, покрытые толстым слоем пыли.

– Не трогай его, – у Тельмы не хватит сил, чтобы отправиться еще и этой дорогой. Она слишком часто выпивала себя досуха, этак и перегореть недолго, не говоря уже о другом.

Пути масеуалле запретны.

Неизведанны.

И не предназначены для непосвященных, пусть и сами проклятые боги признали Тельму.

Тогда почему она слышит грохот барабанов? И почему, глядя в расползшуюся черноту зрачков, видит в них костры? Сотни костров. Тысячи.

Их раскладывают прямо на камнях, на останках стен, разодранных пушками. На смуглых телах, чей жир питает пламя. Но старуха, пришедшая по воле чужих богов, не боится огня. Она бредет, переступая с одной перевернутой лодки на другую, и черные воды озера держат обрюзгшее тело ее.

Она уродлива.

Так уродлива, что и смотреть-то больно.

Но крылатый змей не способен отвернуться. Он стоит на пути ее, и куцые крылья, потрепанные что пушками, что мушкетами, заслоняют людей. Змею не выстоять.

Он ослаб.

Он никогда-то не был силен, отдавший часть своего сердца на то, чтобы слепить город. И ему страшно. Ведь это ложь, что богам неизвестен страх.

Известен.

Многие уже пали. Ушли во влажное болото забвения грозный Тлалок и облаченный в содранные шкуры Шипе-Тотек. Превратилась в мертвый камень Луна, бывшая пристанью рябликого Мецтли. Остыли горны подземного мира, покинутого Миктлантекутли, и напрасно отныне женщины зывали к грозной его супруге, Миктлансиуатль, в чьих руках сходились нити судеб.

Старуха шла.

Неспешно.

Будто зная наперед, что некуда деваться ему, обреченному. Она остановилась, провела костлявою рукой, коснулась желтыми когтями голов масеуалле. И войны, утомленные многодневною битвой, заворочались, во сне ощутили присутствие чужой силы.

Завтра они проснутся.

И встанут с копьями против ружей.

Со стрелами и щитами, не способными убересть тело от пуль. Но они не боятся боли, как не боятся смерти, не зная еще, что естественный порядок вещей разрушен. Кровавое небо вышло из берегов, и те, кому суждено будет погибнуть, не поднимутся дорогой Цапель, чтобы возродиться в новых телах. А те, которые выживут, в их телах поселится дыхание старухи. Оно разъест их легкие и расплавит сосуды, заставит захлебнуться собственной кровью и кричать от боли и страха, будто они не войны, но маленькие дети...

– Уходи, – Крылатый Змей расправил крылья и сделал шаг навстречу той, на чьем челе сиял золотой венец, достойный великих императоров.

Старуха оскалилась.

– Уходи, – повторил Крылатый Змей, опустившись на одно колено.

Еще можно было отступить, так говорили. Но как ему бросить их, неразумных, сотворенных его же кровью, созданных его же плотью, зывающих к нему?

Старуха засмеялась и погрозила пальцем.

А потом из-за горбатой спины ее, поросшей белым пухом, выступило существо иного мира.

– Город станет нашим, – сказал он на языке масеуалле. – Не сегодня, так завтра. Не завтра, так... какая разница, сколько уйдет дней?

– Чего ты хочешь?

– Эту землю.

Старуха переступала с ноги на ногу, и лодки со спящими воинами покачивались. Шелестел тростник. И ветер был сладок, как никогда прежде.

– Она и так ваша...

– Нет, – существо смотрело на старуху печально. – Ты это знаешь...

Крылатый Змей сложил крылья.

...уйти.

Как ушли иные, просто отвернувшись, позабыв обо всех клятвах.

Избавиться от оболочек, коими являлись тела. Раствориться в Первозданном Океане, который огромен и примет всех, избавит разом от сожалений и надежд, от памяти о прошлом, от знания о будущем. Он милосерден и однажды, многие солнца спустя, подарит новое рождение.

...а люди... люди сами справятся... или нет...

– Вы ее создали. Вы ее кормили, сами кормясь от них, – он обвел рукой спящих воинов, и старуха повторила нелепый жест. Она была толста и обрюзгла, и складки ее тела лоснились жиром. На коже этой один за другим раскрывались гнилые пасти язв. Сочился гной, в свете обездоленной луны глядевший золотым. – Если уйдут все, земля лишится сил.

Он был умен, не-человек с иного края мира.

– Наши боги ослабли, когда люди перестали в них верить. А следом за богами заболела земля. Я не хочу, чтобы это повторилось, – он присел на корточки и зачерпнул воду. – Если вы исчезнете, то вода эта лишится способности утолять жажду. И семена, посаженные в землю, не дадут всходов. Женщины будут бесплодны. Мужчины – бессильны.

– Так чего ты хочешь?

– Ты знаешь, – он испил воды, от которой несло гнилью. – Сделай так, чтобы земля жила. И я позволю вашим детям остаться. В этом мире хватит места всем.

Старуха расхохоталась.

Она вдруг пустилась в пляс, притопывая, покачивая широкими бедрами, и пустые мешки ее груди раскачивались. А золотой венец на голове сиял ярко.

– Кто она? – Крылатый Змей отступил, не в силах выносить вонь ее тела, сам вид женщины, которая все-таки не была богом.

Он это чуял.

– Моя мать. Благая королева...

И на мгновение, когда стыдливую луну – она сохранила еще память о тех, кто обретался в чертогах небесных, – скрыли облака, старуха превратилась в деву невиданной красоты.

– А кто ее проклял?

– Мой отец, – ответил тот, кто держал в руках свирель. – Я убил его. И забрал его голос... жаль, что это не вернуло ей разума. С другой стороны, может, так лучше... хочешь, она станцует для тебя?

И, не дожидаясь ответа, он поднес свирель к губам.

Он играл о мире, оставшемся где-то за краем Океана. И о том, что мир этот был прекрасен... и что жил он, пока соблюдался Закон...

...он играл о деве, и та скользила по водной глади, не видимая никем, кроме Змея, а он не знал, содрогаться от отвращения или же преклонить колени пред той, чья красота была совершенной.

...играл о братьях и войне.

...предательстве.

...о крови, которая пролилась под корни Вечного древа, и древо почернело, потому как кровь эта несла Слово. А предсмертное Слово было ядом.

Он играл о долгой агонии.

И страхе.

О короле и королеве.

Детях их, которым пришлось бежать, чтобы выжить. А когда песня закончилась, вложил в руку Крылатого Змея нож.

– Ты знаешь, что делать, – сказал он. – И если хочешь, я помогу...

Сердце залогом.

Сердце – это такая малость. Змею не было больно, когда нож пробил грудину. Он продолжал жить, когда холодные пальцы вцепились в бьющийся ком. И вытянули его. Он видел, как расползлись тучи.

И слышал старушечий плач.

Кажется, она разглядела свое отражение.

Крылатому Змею было жаль существо, которое думало, будто бога можно убить, вырезав его сердце. И само это сердце. Оно становилось красным камнем.

Крылатый Змей закрыл глаза.

Он уйдет. Оставит сердце залогом. И не только он, быть может, сыщутся и другие, которым не все равно, что станет с миром и детьми...

Кохэн рухнул на четвереньки и, изогнувшись, закричал. Его голос, отраженный стенами, не был голосом человека. И Тельма заткнула уши, не желая слышать этого крика.

Забывать бы.

Стереть.

Видения. Память. То, что было. У нее должно быть право на свой океан, который избавит от сомнений и вопросов, и памяти, и знания.

Ни сомнений.

Ни боли.

Только пустота несуществования.

Кохэн был силен.

Или это Мэйнфорд ослаб? Он навалился на масеуалле, придавив немалым весом своим, обхватил за плечи, стиснул, усмиряя приступ.

Безумие бывает заразным?

Или это что-то другое?

Кохэн метался, и золотые фигурки в косах его звенели. Но вот он стих, захрипел, и изо рта пошла белая пена. Мэйнфорд осторожно отпустил помощника.

Не стоило отпускать Джонни.

И что теперь? Вызвать целителей? И спровадить единственного, кому Мэйнфорд доверяет безоглядно, в госпиталь? Или целители не помогут? Он нашел пульс.

Сердце билось ровно.

И дышал Кохэн спокойно. И вовсе на лице его появилось выражение умиротворенное.

– Он спит, – Тельма, подобрав полы халата, подползла ближе. – Просто спит, и все...

– Что с ним?

– Не уверена, но... ты знаешь, что многие старые книги попали под запрет? Особенно те, которые касались магии крови? – она все еще избегала смотреть на Мэйнфорда. Правильно, лучше говорить о книгах.

– Я видела... то, что видел он... это иначе, чем с тобой. Ты ушел в свой разум, а он... кровь от крови... – Тельма приложила ладонь к виску. – Спит... и надо его переложить куда-нибудь, а то ведь жестко на полу...

Кровь от крови.

Вся сила масеуалле в крови, но Мэйнфорд все равно не понимает.

– Он ведь прямой потомок прежних императоров. Как и ты, – теперь она смотрела прямо в глаза. – Ваши предки говорили с богами. А вы... вы тоже слышите их голоса.

Это ее вежливое «вы» резануло слух.

Голоса, значит.

Прямой потомок.

Да в Бездну всю эту мистическую хренотень с богами вкупе. Еретическая мысль, благо некому за нее на плаху отправить, но все равно холодочком по хребту потянуло, напоминая: никуда-то ты, Мэйни, жалкий человечиска, от богов не денешься.

А он и не собирается.

У него планы другие. Примитивные, можно сказать, планы.

Кохэна до постели дотащить. Раньше-то просто, а ныне собственное тело что из первого снега вылепленное, тугое да неподатливое. Одежонку промокшую снять, ибо насрать простуде обыкновенной на то, чей ты там потомок. Сопли и у императорских сыновей случаются, и те же, жидкие да надоедливые, что и у обычных смертных.

Обувочку стянуть.

Укрыть бедолажного, который спал мирно и был всецело счастлив в своих снах – Мэйнфорд испытал острый приступ зависти, – одеяльцем, да подоткнуть, чтоб не задувало.

– В лоб целовать не станешь? – поинтересовалась Тельма, которая не помогала, но и не убегала, стояла себе в стороночке, наблюдая.

– Обойдется.

Кивнула.

Зевнула.

Ее бы рядышком с масеуалле положить. И самому рухнуть. Глядишь, проспались бы втроем, там и полегчало бы. Но нет, сколько хвост ни тяни, а от кота на другом его конце не избавишься.

– Поговорим? – это предложил Мэйнфорд.

А ведь там, на поле, мог бы и помолчать.

Притвориться, что не знает.

Понаблюдать.

– Поговорим, – согласилась Тельма и, подобрав полы халата, который волочился за нею, что шлейф, вышла из спальни. Мэйнфорд тоже вышел и дверь прикрыл плотно.

– С чего начнем? – Тельма устроилась на прежнем месте, забралась в кресло с ногами, халат подтянула, подоткнула, села в нем, что ворона в гнезде.

Белая ворона.

И тот целитель со славным именем Тео, тоже белым был. Нехарактерный такой окрасец... ахромия.

– А с чего стоит?

– Думаю, с недавних событий. Пока яркие. Я расскажу, что видела, а ты решишь, стоит ли в этом искать смысл, – она спрятала руки в раструбах широких рукавов, а вот полы норовили разойтись, и видны были худенькие ключицы.

Где она пряталась, потерянный ребенок?

И почему появилась сейчас?

А хуже всего, Мэйнфорд не успел пересмотреть дело. Странно. Он ведь помнил его... должен был бы помнить, потому что яркое было. И газеты тогда вой подняли до небес. Все стенали о молодой и безвозвратно ушедшей... погибший талант...

Газеты вот он помнит.

Степенную «Герольд» и «Бейленджи-дьюб», которую принципиально издавали на бумаге зеленоватого оттенка, за что драли полталера сверху. Безбожный грабеж, но многие, как поговаривали, покупали эту газетенку именно из-за цвета.

Из-за желания почувствовать себя если не элитой, то кем-то вроде.

...Тельма рассказывала.

Спокойно. Отстраненно.

Только худые руки свои терла, и Мэйнфорд на руки смотрел.

Сухая кожа.

Болезненные трещинки.

И колец нет. Мама всегда надевала парочку в комплект к обручальному. И за руками следила, пожалуй, едва ли не тщательней, чем за лицом.

Жемчуг.

Золото. Белое и желтое. Красное, которое зовется так из-за особого оттенка и считается редкостью, потому что в Новом Свете все золото обычное. Но находятся умельцы...

...не о том думать надо.

Не о кольцах из матушкиной шкатулки, не о газетах даже, что из головы не идут, пусть «Бейленджи-дьюб» читать прилично и принято даже, как и просматривать биржевые сводки, даже если ты ни хренища в биржевых играх не понимаешь. О смерти Элизы шептались машинистки на третьем этаже. Вдыхали секретарши. И миз Вейтер, которую в силу

возраста и поганого характера вряд ли можно было заподозрить в любви к кому-то, демонстративно нацепила черную повязку.

Это он помнит.

И сборы по Управлению – на венки.

И тех, кто добровольно вызвался его отнести... и оцепление на площади, где пришлось выстоять семь часов кряду... и саму эту площадь. Людей, пришедших поглазеть на представление, последнее представление великой Элизы.

Траурный кортеж.

Шестерик першеронов, черных, что уголь. Лафет с гробом. Цветы. Оркестр.

Речи.

...не саму смерть.

– Ты меня не слушаешь, – Тельма вздохнула и поскребла пальцем подлокотник. Кожа на креслах была сухой и потрескавшейся, как ее собственная. – Кто тебе сказал?

– Твой медведь. Там номер, а у меня знакомая, которая увлекается... хочет купить, к слову. Цену нормальную предложит. Но ты ведь не продашь?

– Нет, – она покачала головой. – Медведь... кто еще знает?

– Пока никто.

– Кохэн?

– Это его не касается.

Кивок.

И молчание.

Кто-то должен начать первым, вот только Мэйнфорд понятия не имеет, что положено говорить в таких случаях. Признать свою вину?

Вины за собой он не ощущал.

То дело... странный привкус выдохшегося пива. И холодного кофе, на поверхности которого появились маслянистые разводы. Усталость, застаревшая, накопившаяся. Сколько он был на ногах?

Дни и дни.

И ночи.

И если удавалось поспать час-другой, это было удачей.

Сила и та не пыталась вырваться, она держала тело, потому что иначе Мэйнфорд попросту отключился бы. А нельзя. Людей не хватало. Война закончилась, и Третий округ обрел новых хозяев. Правда, не все согласны были признать их власть.

...стрельба на перекрестке. И три девочки, случайные жертвы, которые так хотели жить, что переродились.

Тело, найденное в подвале. Личность не установлена. Оно и на тело не особо походило. Кусок мяса в ванне с известью. Чудом нашли до того, как известь разъела останки. Очередной висяк.

Родственники и очередные заявления. Пропала без вести... ушла и не вернулась... и вряд ли вернется, но этого говорить нельзя, в их глазах Мэйнфорд – последняя надежда. И серый мундир малефика перестает быть броней, способной защитить от чужого отчаяния.

Тогда он, помнится, догорал.

И догорел, наверное, если больше не способен сочувствовать ни жертвам, ни родичам. А вина... разве был он виноват?

– Зачем ты вернулась?

Не случайно. Конечно, нет, она ведь рвалась именно в его отдел.

– Мне нужна правда, – Тельма царапает кресло, вонзает короткие коготки в трещины, поддевает сухую кожу, дергает и сбрасывает на пол крашенные кусочки.

– Какая?

– А она что, разной бывает? – эта улыбка злая. Не улыбка даже, оскал. Предупреждение: осторожней, Мэйни, лед тонок, а в тихом омуте чужой души водится немало чудовищ. – Мне казалось, правда одна...

Да. Пожалуй.

Или нет?

– Ты и вправду не понимаешь? – она склонила голову набок. – Твой брат убил мою маму.

– Что?!

– Твой брат. Гаррет. Он убил мою маму, – спокойно повторила Тельма. – И от меня избавился. А ты помог это все прикрыть.

Она описала полукруг пальцем.

И крест сверху.

– Для этого тебя ведь и вызвали... странно, да? На Острове своя полиция. Но пригласили обычного малефика. Ты ведь и старшим не был. Просто штатный малефик из Третьего округа. Почему малефик, если в деле нет и следов магии? Никто не задался этим вопросом... – она водила пальцем по ранам на подлокотнике. – А если и задавались, то вы умели заткнуть особо любопытных...

– Все было не так.

...безумие.

Гаррет не стал бы убивать.

– Кто такая Тильза?

– А ты откуда...

Он осекся. Конечно. Откуда еще ей знать? Из его головы. Она хорошо покопалась в этой голове и... и злости не было. Нелогично. Мэйнфорд должен был бы разозлиться, а вместо этого... пустота.

И еще тоска.

Глухая, такая, что впору на луну выть.

– Любовница Гаррета. Она забеременела.

– И ты от нее избавился? – все то же спокойное любопытство, будто речь идет о вещах обыкновенных. Внимательный взгляд. И морщинки вокруг глаз. Усталость, которую Мэйнфорд чувствует. Собственное необъяснимое желание утешить эту женщину, которой утешение было не нужно.

– Нет. Я помог ей переехать. Другой город... и у меня есть племянница. Ей четырнадцать...

– Значит, это было до мамы.

Мэйнфорд мог бы добавить, что последние лет семь не видел ни Тильзу, ни племянницу. Что и до этого он не часто их навещал. Не из-за чувства вины, просто времени не хватало, да и тяготили их одинаково эти его визиты.

Тильза терялась.

Эрика дичилась и пряталась. Мэйнфорд оставлял чек и игрушки. Потом просто стал отправлять чеки. И еще открытки-поздравления, потому как принято было в обществе поздравлять друг друга.

А семь лет назад Тильза написала, что выходит замуж и супруг ее желает удочерить Эрику. В чеках, стало быть, нет нужды. Их собралось достаточно, чтобы Эрика получила образование. И на приданое останется. И вообще, она очень благодарна Мэйни за помощь и поддержку...

Он никогда не причинил бы вреда беременной женщине.

– До. Получается, что до, – Мэйнфорд протянул руку. – На. Сама взгляни... только... я действительно плохо помню то дело.

Тельма не спешила прикасаться.

Стесняется?

После того, что ей удалось увидеть сегодня... и вряд ли дело ограничилось Тильзой. И лучше не думать, что еще она узнала о тайнах Мэйнфорда. И что может узнать.

Устала?

Больше похоже на правду.

– Если ты...

– Нет, – холодные пальцы обхватили запястье, для чего Тельме пришлось наклониться. – Я... лучше рядом, а то неудобно. Ты не против?

Милая вежливость.

И он не против. Совершенно не против.

[Купить полную версию книги](#)